

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное



Леонид Николаевич Андреев

Жизнь Человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148201

Аннотация

«**Некто в сером**, именуемый **Он**, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет – и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней **Некто в сером...**»

Содержание

Пролог	4
Картина первая	8
Разговор старух	9
Разговор родственников	22
Картина вторая	26
Разговор соседей	27
Картина третья	50
Разговор гостей	53
Картина четвертая	66
Картина пятая	85
Разговор пьяниц	88
Разговор пьяниц и старух	92
Разговор старух	94
Приложение	100
Разговор наследников	102
Разговор старух	111

Леонид Николаевич Андреев Жизнь Человека

Пролог

Некто в сером, именуемый **Он**, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет – и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней **Некто в сером**. На Нем широкий, бесформенный серый балахон, смутно обрисовывающий контуры большою тела; на голове Его такое же серое покрывало, густую тенью кроющее верхнюю часть лица. Глаз Его не видно. То, что видимо: скулы, нос, крутой подбородок, – крупно и тяжело, точно высечено из серого камня. Губы Его твердо сжаты. Слегка подняв голову, Он начинает говорить твердым, холодным голосом, лишенным волнения и

страсти, как наемный чтец, с суровым безразличием читающий Книгу Судеб.

– Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, – он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, – это жизнь Человека. Смотрите на пламень его – это жизнь Человека.

Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле. И их жестокая судьба станет его судьбою, и его жестокая судьба станет судьбою всех людей. Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, от низу к верху, от верху к низу. Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знанием, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день, грядущий час – минута. И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предначертания.

Вот он – счастливый юноша. Смотрите, как ярко пылает свеча! Ледяной ветер безграничных пространств бессильно кружится и рыскает, колебля пламя, – светло и ярко горит свеча. Но убывает воск, съедаемый огнем. Но убывает воск.

Вот он – счастливый муж и отец. Но посмотрите, как тускло и странно мерцает свеча: точно морщится желтеющее пламя, точно от холода дрожит и прячется оно. Ибо тает воск, съедаемый огнем. Ибо тает воск.

Вот он – старик, больной и слабый. Уже кончились ступени жизни, и черный провал на месте их, – но все еще тянется вперед дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синеющее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает – и гаснет тихо.

Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем. И Я, тот, кого все называют Он, останусь верным спутником Человека во все дни его жизни, на всех путях его. Не видимый Человеком и близкими его, Я буду неизменно подле, когда он бодрствует и спит, когда он молится и проклинаяет. В часы радости, когда высоко воспарит его свободный и смелый дух, в часы уныния и тоски, когда смертным томлением омрачится душа и кровь застынет в сердце, в часы побед и поражений, в часы великой борьбы с непреложным – Я буду с ним.

Я буду с ним.

И вы, пришедшие сюда для забавы, вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: вот далеким и призрачным эхом пройдем перед вами, с ее скорбями и радостями, быстротечная жизнь Человека.

Некто в сером умолкает. И в молчании гаснет свет, и мрак объемлет Его и серую пустую комнату.

Опускается занавес

Картина первая Рождение человека и муки матери

Глубокая тьма, в которой все неподвижно. Как кучка серых притаившихся мышей, смутно намечаются серые силуэты Старух в странных покрывалах и очертания большой высокой комнаты. Тихими голосами, пересмеиваясь, Старухи ведут беседу.

Разговор старух

– Хотелось бы мне знать, что родится у нашей приятельницы: сын или дочь?

– А разве вам не все равно?

– Я люблю мальчиков.

– А я люблю девочек. Они всегда сидят дома и ждут, когда к ним приходишь.

– А вы любите ходить в гости?

Старухи тихо смеются.

– Он знает.

– Он знает.

Молчание.

– Приятельнице нашей хотелось бы иметь девочку. Она говорит, что мальчики слишком буйны нравом, предприимчивы и ищут опасности. Когда они еще маленькие, они любят лазить по высоким деревьям и купаться в глубокой воде. И часто падают и часто тонут. А когда становятся они мужчинами, они устраивают войны и убивают друг друга.

– Она думает, что девочки не тонут. А я много-таки видела утонувших девочек, и были они, как все утопленники: мокрые и зеленые.

– Она думает, что девочек не убивают камни!

– Бедная, ей так тяжело рожать. Вот уже шестна-

дцать часов сидим мы здесь, а она все кричит. Сперва она кричала звонко, так что больно было ушам от ее крика, потом тише, а теперь только хрипит и стонет.

– Доктор говорит, что она умрет.

– Нет, доктор говорит, что ребенок будет мертвый, а она сама останется жива.

– Зачем они рожают? Это так больно.

– А зачем они умирают? Это еще больнее.

Старухи тихо смеются.

– Да. Рожают и умирают.

– И вновь рожают.

Смеются. Слышен тихий крик страдающей женщины.

– Опять началось.

– У нее снова появился голос. Это хорошо.

– Это хорошо.

– Бедный муж: он так растерялся, что на него смешно смотреть. Прежде он радовался беременности жены и говорил, что хочет мальчика. Он думает, что сын его будет министром или генералом. Теперь он ничего не хочет, ни мальчика, ни девочки, и только мечется и плачет.

– Когда у нее начинаются схватки, он тужится сам и краснеет.

– Его послали в аптеку за лекарством, а он два часа ездил мимо аптеки и не мог вспомнить, что ему надо.

Так и вернулся.

Старухи тихо смеются. Крик становится сильнее и замирает. Тишина.

– Что с нею? Быть может, она уже умерла?

– Нет. Тогда бы мы услышали плач. Тогда вбежал бы сюда доктор и стал бы говорить пустяки. Тогда бы внесли сюда ее мужа, потерявшего чувство, и нам пришлось бы поработать. Нет, она не умерла.

– Тогда зачем же мы здесь сидим?

– Спросите у Него. Разве мы знаем?

– Он не скажет.

– Он не скажет. Он ничего не говорит.

– Он помыкает нами. Он поднимает нас с постелей и заставляет сторожить, а потом оказывается, что и приходиться не надо было.

– Мы сами пришли. Разве мы не сами пришли? Нужно быть справедливыми. Вот она снова кричит. Разве вам мало этого?

– А вы довольны?

– Я молчу. Я молчу и жду.

– Какая вы добрая!

Смеются. Крики становятся сильнее.

– Как она кричит! Как ей больно!

– Вы знаете эту боль? Точно разрываются внутренности.

– Мы все рожали.

– Как будто это не она. Я не узнаю голоса нашей приятельницы. Он такой мягкий и нежный.

– А это скорее похоже на вой зверя. Чувствуется ночь в этом крике.

– Чувствуется бесконечный темный лес, и безнадежность, и страх.

– Чувствуется одиночество и тоска. Разве возле нее нет никого? Почему нет других голосов, кроме этого дикого вопля?

– Они говорят, но их не слышно. Вы замечали, как одинок всегда крик человека: все говорят, и их не слышно, а кричит один, и кажется, что все другое молчит и слушает.

– Я слышала раз, как кричал человек, которому смяло экипажем ногу. Улица была полна народу, а казалось, что он только один и есть.

– Но это страшнее.

– Громче, скажите.

– Протяжнее, пожалуй.

– Нет, страшнее. Здесь чувствуется смерть.

– И там чувствовалась смерть. Он и умер.

– Не спорьте! Разве вам не все равно?

Молчание. Крик.

– Как странно кричит человек. Когда самой больно и кричишь, ты не замечаешь, как это странно – как это странно.

– Я не могу представить себе рта, который издает эти звуки. Неужели это рот женщины? Я не могу представить.

– Но чувствуется, что он перекосился.

– В какой-то глубине зарождается звук. Теперь это похоже на крик утопающего. Слушайте, она захлебывается!

– Кто-то тяжелый сел ей на грудь!

– Кто-то душит ее!

Крики смолкают.

– Наконец-то умолкла. Это надоедает. Крик так однообразен и некрасив.

– А вы и тут хотели бы красоты, не правда ли?

Старухи тихо смеются.

– Тише! Он здесь?

– Не знаю.

– Кажется, здесь.

– Он не любит смеха.

– Говорят, что Он смеется сам.

– Кто это видел? Вы передаете просто слухи: о Нем так много лгут.

– Он слышит нас. Будем серьезны!

Тихо смеются.

– А все-таки я очень хотела бы знать, будет ли мальчик или девочка?

– Правда, интересно знать, с кем будешь иметь де-

ло.

– Я бы желала, чтобы оно умерло, не родившись.

– Какая вы добрая!

– Не добрее, чем вы.

– А я бы желала, чтобы оно было генералом.

Смеются.

– Вы уж слишком смешливы! Мне это не нравится.

– А мне не нравится, что вы так мрачны.

– Не спорьте! Не спорьте! Мы все и смешливы и мрачны. Пусть каждая будет, как она хочет.

Молчание.

– Когда они рождаются, они очень смешные. Смешные детеныши.

– Самодовольные.

– И очень требовательные. Я не люблю их. Они сразу начинают кричать и требовать, как будто для них все уже должно быть готово. Еще не смотрят, а уже знают, что есть грудь и молоко, и требуют их. Потом требуют, чтобы их уложили спать. Потом требуют, чтобы их качали и тихонько шлепали по красной спинке. Я больше люблю их, когда они умирают, тогда они менее требовательны. Протянется сам и не просит, чтобы его укачивали.

– Нет, они очень смешные. Я люблю обмывать их, когда они рождаются.

– Я люблю обмывать их, когда они умерли.

– Не спорьте! Не спорьте! Всякой будет свое: одна обмоет, когда родится, другая – когда умрет.

– Но почему они думают, что имеют право требовать, как только родятся? Мне не нравится это.

– Они не думают. Это желудок требует.

– Они всегда требуют!

– Но ведь им никогда и не дают.

Старухи тихо смеются. Крики за стеной возобновляются.

– Опять кричит.

– Животные рожают легче.

– И легче умирают. И легче живут. У меня есть кошка: если бы видели, какая она толстая и счастливая.

– А у меня собака. Я ей каждый день говорю: ты умрешь! – а она ослабляет зубы и весело вертит хвостом.

– Но ведь они – животные.

– А это – люди.

Смеются.

– Либо она умирает, либо родит. Чувствуются последние силы в этом вопле. Вытаращенные глаза...

– Холодный пот на лбу...

Слушают.

– Она родит!

– Нет, она умирает.

Крики обрываются.

– Я вам говорю...

Некто в сером (говорит звучно и властно). Тише! Человек родился.

Почти одновременно с Его словами приносится крик ребенка, и вспыхивает свеча в Его руке. Высокая, она горит неуверенно и слабо, но постепенно огонь становится сильнее. Тот угол, в котором неподвижно стоит **Некто в сером**, всегда темнее других, и желтое пламя свечи озаряет его крутой подбородок, твердо сжатые губы и крупные костистые щеки. Верхняя часть лица скрыта покрывалом. Ростом Он несколько выше обычного человеческого роста. Свеча длинная, толстая, вправлена в подсвечник старинной работы. На зелени бронзы выделяется Его рука, серая, твердая, с тонкими длинными пальцами.

Медленно светлеет, и из мрака выступают фигуры пяти сгорбленных **Старух** в странных покрывалах и комната. Она высокая, правильно четырехугольная, с гладкими одноцветными стенами. Впереди и направо по два высоких восьмистекольных окна, без занавесок; в стекла смотрит ночь. У стен стоят стулья с высокими прямыми спинками.

Старухи (торопливо). Слышите, как забегали! Идут сюда.

– Как светло! Мы уходим.

– Смотрите, свеча высока и светла.

– Мы уходим! Мы уходим! Скорее!

– Но мы придем! Но мы придем!

Тихо смеются и в полумраке странными, зигзагообразными движениями ускользают, пересмеиваясь. С их уходом свет усиливается, но в общем остается тусклым, безжизненным, холодным; тот угол, в котором недвижимо стоит **Некто в сером** с горящей свечой, темнее других.

Входит **Доктор** в белом больничном балахоне и **Отец Человека**. Лицо последнего выражает глубокое утомление и радость. Под глазами синие круги, щеки впали, волосы в беспорядке. Одет очень небрежно. У Доктора очень ученый вид.

Доктор. До последней минуты я не знал, останется ли в живых ваша жена или нет. Я употребил все искусство и знание, но наше искусство значит так мало, если не приходит на помощь сама природа. И я очень волновался, у меня и сейчас так бьется пульс. Уже стольким детям я помог явиться на свет, но и до сих пор я не могу отделаться от волнения. Но вы не слушаете меня, сударь.

Отец человека. Я слушаю, но ничего не слышу. До сих пор у меня стоит в ушах ее крик, и я плохо понимаю. Бедная, как она страдала! Безумный, глупый, я так хотел иметь детей, но теперь я отказываюсь от этого преступного желанья.

Доктор. Вы еще позовете меня, когда родится у вас следующий.

Отец. Нет, никогда. Мне стыдно сказать, но я сейчас ненавижу ребенка, из-за которого она столько страдала. Я даже не видал его, какой он?

Доктор. Он хорошо упитанный, крепкий мальчик и, если не ошибаюсь, похож на вас.

Отец. Похож на меня? Как я счастлив! Теперь я начинаю любить его. Мне всегда хотелось, чтобы у меня родился мальчик и был похож на меня. Вы видели: у него такой нос, как мой, не правда ли?

Доктор. Да, нос и глаза.

Отец. И глаза? Это так хорошо! Я вам заплачу больше, чем назначил.

Доктор. Вы должны мне заплатить особо за щипцы, которые я накладывал.

Отец (обращаясь к тому углу, где неподвижно стоит Он). Боже! Благодарю тебя за то, что ты исполнил мое желание и дал мне сына, похожего на меня. Благодарю тебя за то, что не умерла моя жена и жив ребенок. И прошу тебя: сделай так, чтобы он вырос большим, здоровым и крепким, чтобы он был умным и честным и чтобы никогда не огорчал нас: меня и его мать. Если ты сделаешь так, я всегда буду верить в тебя и ходить в церковь. Теперь я очень люблю моего сына.

Входят родственники. Их шестеро. Необыкновен-

но толстая **Пожилая дама** с отвисшим подбородком и маленькими надменными глазками, чрезвычайно важная и гордая. **Пожилой господин**, ее муж, очень длинный и необыкновенно худой, так что платье висит на нем. Козлиная острая бородка, длинные, до плеч, гладкие, точно намоченные, волосы и очки; смотрит испуганно и в то же время поучительно; в руке держит шляпу – низкий черный цилиндр. **Молоденькая де-вушка**, их дочь, с наивно вздернутым носиком, мигающими глазами и открытым ртом. **Худая дама**, имеющая крайне угнетенный и кислый вид; в руках держит носовой платок и часто вытирает им рот. **Двое юношей** совершенно торжественных; необыкновенно высокие воротнички, вытягивающие шею, прилизанные волосы, выражение недоумения и растерянности. Все указываемые свойства в каждом из обладателей их достигают крайнего развития.

Пожилая дама. Позволь, дорогой брат, поздравить тебя с рождением сына. (Целует его.)

Пожилой господин. Позволь, дорогой родственник, сердечно поздравить тебя с рождением столь долго ожидаемого сына. (Целует.)

Остальные. Позвольте нам, дорогой родственник, поздравить вас с рождением сына. (Целуют.)

Доктор уходит.

Отец (очень растроганный). Благодарю вас! Благо-

дарю вас! Все вы очень хорошие, очень добрые и милые люди, и я очень люблю вас. Прежде я сомневался и думал, что ты, дорогая сестра, несколько занята собой и своими достоинствами, а вы, милый зять, несколько педантичны. И про остальных я думал, что они холодны ко мне и ходят только обедать, но теперь я вижу, что ошибался. Я очень счастлив: у меня родился сын, похожий на меня, и кроме того, я сразу вижу столько хороших, любящих меня людей.

Целуются.

Молодая девушка. Как вы назовете сына, дорогой дядя? Мне бы очень хотелось, чтобы это было красивое, поэтическое имя. Так много зависит от того, как зовут человека.

Пожилая дама. Я бы желала, чтобы это было простое и солидное имя. Люди с красивыми именами всегда очень легкомысленны и редко успевают в жизни.

Пожилой господин. Мне кажется, что вам, дорогой шурин, следовало бы наречь сына по имени какого-нибудь из старших родственников. Это продолжает и укрепляет род.

Отец. Да, мы с женой уже думали об этом, но не могли решить. Вообще с рождением ребенка приходит столько новых мыслей и забот!

Пожилая дама. Это наполняет жизнь.

Пожилой господин. Это ставит прекрасную цель

для жизни. Воспитывая ребенка, устраняя от него те ошибки, жертвой которых мы были, укрепляя его ум нашим собственным богатым опытом, мы таким образом создаем лучшего человека и медленно, но верно движемся к конечной цели существования – к совершенству.

Отец. Вы совершенно правы, уважаемый зять. Когда я был маленьким, я очень любил мучить животных, и это развивало во мне жестокость. Моему сыну я не позволю мучить животных. Уже будучи взрослым, я часто ошибался в дружбе и любви: избирал недостойных друзей и вероломных женщин. Моему сыну я объясню...

Доктор (входит и громко говорит). Сударь, вашей жене очень плохо. Она хочет видеть вас.

Отец. Ах, боже мой! (Уходит вместе с доктором.)

Родственники садятся полукругом и некоторое время торжественно молчат. В углу, обратив к ним каменное лицо свое, неподвижно стоит **Некто в сером**.

Разговор родственников

– Ты не думаешь, милая жена, что наша родственница может умереть?

– Нет, я не думаю это. Она очень нетерпеливая женщина и придает много значения своим болям. Все женщины рожают, и никто не умирает. Я сама рожала шесть раз.

– Но она так кричала, мама!

– Да, у нее на лице кровоподтеки от крика. Я обратил на это внимание!

– Это не от крика. Это оттого, что надо тужиться. Ты этого не понимаешь. У меня у самой были кровоподтеки, однако я не кричала.

– Одна моя знакомая, жена инженера, рожала недавно и тоже почти не кричала.

– Я не знаю жены инженера. Напрасно брат так беспокоится: нужно быть тверже и смотреть на вещи спокойнее. Я боюсь, что и в воспитание ребенка он внесет много фантазерства и распушенности.

– Он очень безвольный человек. У него у самого так мало денег, а он дает займы людям, не заслуживающим доверия.

– Вы знаете, сколько стоило для ребенка белье?

– Не говорите, меня так огорчает легкомыслие бра-

та. Мы часто спорим с ним по этому поводу.

– А говорят, что бебе приносит аист. Какой же это аист!

Молодые люди одновременно фыркают.

– Не говори глупостей. Я на твоих глазах родила пятерых, а я, слава богу, не аист.

Молодые люди снова фыркают, а Пожилая дама продолжительно и строго смотрит на них.

– Ты должна заметить себе, что это предрассудок. Дети рождаются совершенно естественным путем, строго установленным наукой.

– Они теперь на новой квартире.

– Кто?

– Инженер и его жена. Старая квартира оказалась очень сырая и холодная. Несколько раз жаловались домовладельцу, но он не обратил внимания. По моему мнению, лучше маленькая квартира, но теплая, чем большая и сырая. В сырой квартире можно умереть от насморков и ревматизма.

– У одних моих знакомых тоже очень сырая квартира.

– И у моих тоже. Очень сырая!

– Теперь так много сырых квартир!

– Скажите, пожалуйста, я давно хотела у вас спросить: как выводятся жирные пятна со светлых материй?

– Шерстяной?

– Нет, с шелковой.

Крики ребенка за стеной.

– Возьмите небольшой кусок чистого льда и хорошенько трите то место, где пятна. И когда хорошенько протрете, возьмите горячий утюг и прогладьте.

– Скажите, как просто! А я слыхала, что лучше борной водой.

– Нет, борной водой хорошо только для темных материй. А для светлых самое лучшее – лед.

– Скажите, пожалуйста, можно здесь курить? Я как-то никогда не думал, можно ли курить, когда только что родился ребенок?

– И мне никогда не приходилось. Как странно! На похоронах, я знаю, курить неприлично, но тут...

– Какие пустяки! Конечно, можно.

– Только куренье табаку вообще очень дурная привычка! Вы еще очень молодой человек, и вам следовало бы побереечь здоровье. В жизни так много случаев, когда здоровье необходимо.

– Но табак возбуждает.

– Поверьте мне, это очень нездоровое возбуждение. Я сам в молодости, когда был легкомыслен, злоупотреблял курением табаку...

– Мама, как он кричит! Как он кричит, мама! Он хочет молочка?

Молодые люди фыркают. Пожилая дама строго смотрит на них.

Опускается занавес

Картина вторая

Любовь и бедность

Все залито ярким, теплым светом. Большая, очень высокая и очень бедная комната. Совершенно гладкие светло-розовые стены, местами покрытые фантастическим и красивым сплетением сырых пятен. В правой стене два высоких восьмистекольных окна без занавесок; в них смотрит ночь. Две бедные кровати, два стула и непокрытый стол, на котором стоит полуразбитый кувшин с водою и прекрасный букет полевых цветов.

В углу, который темнее других, стоит **Некто в сером**. Свеча в Его руке убыла на одну треть, но пламя еще очень ярко, высоко и бело и бросает сильные блики на каменное лицо Его и подбородок. Входят **соседи**, одетые в яркие, веселые платья. Все руки у них полны цветов, травы, зеленых свежих веток дуба и березы. Разбегаются по комнате. Лица у всех простые, веселые и добрые.

Разговор соседей

– Как они бедны! Смотрите, у них нет ни одного лишнего стула...

– Ни занавесок на окнах...

– Ни картин на стенах...

– Как они бедны! Смотрите, они едят только черствый хлеб...

– И пьют только воду: холодную воду из студеного ключа!

– У них нет даже лишней одежды. Она всегда ходит в своем розовеньком платье, с голою шейкой, что делает ее похожей на девочку.

– А он в своей блузе и диком галстуке, что делает его похожим на артиста и заставляет злобно лаять на него всех собак...

– И вызывает недовольство всех порядочных людей!

– Собаки ненавидят бедняков. Я видел вчера, как три собаки напали на него, и он отбивался палкой, крича: «Не смейте касаться моих брюк! Это последние брюки!» И он смеялся, а собаки с оскаленными губами бросались на него и выли от злости.

– А я видела сегодня, как двое порядочных людей, господин и дама, испугались его и перешли на другую

сторону. «Он сейчас попросит денег», – сказал господин. «Он нас убьет», – запищала дама, и они перешли на другую сторону, оглядываясь и держась за карманы. А он качал головой и смеялся.

– Он такой веселый!

– Они постоянно смеются.

– И поют!

– Это он поет. Она танцует.

– В своем розовеньком платье, с голенькой шейкой.

– На них приятно смотреть: такие они молодые и славные.

– А мне их жалко: ведь они голодны. Понимаете: голодны.

– Да, это правда. У них было больше мебели и платья, но они все продали. И теперь им нечего уже продавать.

– Я помню, у нее такие красивые серьги, и она их продала, чтоб купить хлеб.

– А у него был красивый черный сюртук, в котором он венчался, и он продал его.

– У них остались только обручальные кольца. Как они бедны!

– Это ничего. Это ничего. Я сам был молод и знаю это.

– Что ты говоришь, дедушка?

– Это ничего. Это ничего.

– Смотрите, дедушке захотелось петь, думая о них.

– И танцевать!

Смеются.

– Он такой добрый: он сделал моему мальчику лук и стрелы.

– А она плакала со мной, когда была больна моя дочь.

– Он помог мне поставить упавший забор. Крепкий паренек!

– Приятно иметь таких хороших соседей. Их молодость согревает нашу холодную старость, их беззаботность прогоняет наши заботы.

– Но их комната похожа на тюрьму: она так пуста.

– Нет, она похожа на храм: в ней так светло!

– Смотрите, у них на столе цветы. Это она собрала, гуляя по полю в своем розовеньком платье, с голенькой шейкой. Вот ландыши! На них еще не высохла роса.

– Вот красная горячая смолка!

– Вот фиалки!

– Вот простая зеленая травка!

– Не трогайте, девушки, не трогайте цветов. На них ее поцелуи – не уроните их на землю; на них ее дыхание – не сдуйте его вашим дыханием. Не трогайте, девушки, не трогайте цветов!

– Он придет и увидит цветы!

– Он возьмет поцелуй.

– Он выпьет ее дыхание...

– Как они бедны! Как они счастливы!

– Пойдемте! Пойдемте отсюда!

– Но неужели мы ничего не принесли нашим милым соседям! Это было бы так плохо!

– Я принесла бутылку молока и кусок белого, пахучего хлеба. (Ставит на окно.)

– А я мягкой и нежной травы: когда рассыпать ее по полу, то становится как на цветущем лугу, и пахнет весной. (Рассыпает.)

– А я цветов! (Разбрасывает их.)

– А мы березовых и дубовых веток с зелеными листьями: если убрать ими стены, то становится похоже на зеленый веселый лес!

Убирают комнату, загораживая темные окна, закрывая листьями розовую наготу стен.

– А я хорошую сигару. Она очень дешевая, но крепкая и пахучая, и от нее бывает приятный сон. (Кладет на окно.)

– А я розовую ленточку. Если повязать ею волосы, то становишься такой нарядной и красивой. Мне подарил ее возлюбленный, но у меня так много лент, а у нее ни одной. (Кладет туда же.)

– А что же ты, бабушка? Разве ты ничего не принес?

– Я ничего. Я ничего. Я принес только мой кашель.

Но этого им не нужно. Правда, сосед?

– Как и мои костыли... Эй, девушки, кому нужны мои костыли?

– Помнишь, сосед?..

– А ты, сосед, помнишь?..

– Пойдем-ка, сосед, спать. Уже поздно.

Вздыхают и уходят, один покашливая, другой постукивая костылями.

– Пойдемте! Пойдемте!

– Дай бог им счастья: они такие хорошие соседи!

– Дай бог, чтобы всегда они были здоровы и веселы и любили друг друга. И чтобы не пробежала между ними противная черная кошка!

– И чтобы нашлась молодчику работа. Плохо, когда у человека нету работы.

Уходят. Тотчас же входит **Жена Человека**, очень красивая, грациозная, нежная, с цветами в пышных полураспущенных волосах. У нее очень грустный вид. Садится на стул, складывает на коленях ручки и грустно говорит, обращаясь к зрителям.

Жена человека. Я сейчас ходила в город и искала – не знаю, чего я искала. Мы так бедны, у нас нет ничего, и нам очень трудно жить. Нужны деньги, а как их достать – я не знаю. Если просить у людей – не дадут: отнять – у меня нету силы. Я искала работу, но и работы мне не дают, говорят, что людей много, а рабо-

ты так мало. Я на дорогу смотрела: не уронит ли кто-нибудь из богатых свой кошелек, но или его не роняли, или уже поднят кошелек кем-нибудь более счастливым, чем я. И мне так грустно. Вот сейчас придет мой муж с поисков работы, усталый, голодный, а что я ему дам, кроме моих поцелуев? Но только ведь поцелуями сыт не будешь, нет. Мне так грустно, что хочется плакать.

Я могу очень долго не есть, и мне ничего, а он не может. У него большое тело, которое требует пищи, и когда он долго не ест, он становится такой жалкий, бледный, больной, раздраженный. Бранит меня, а потом целует и просит, чтобы я не сердилась. Но я никогда не сержусь, потому что очень люблю его. Мне только грустно.

Мой муж – очень талантливый архитектор, и я даже думаю, что он гениален. Его родители умерли очень рано, и он остался сиротой. Некоторое время после смерти родителей его поддерживали родственники, но так как он был всегда очень самостоятелен характером и резок, часто говорил неприятные вещи, не высказывал благодарности, то его бросили. Но он продолжал учиться, добывая средства уроками и часто голодая, и окончил высшую школу. Он часто голодал, мой бедный муж! Теперь он архитектор и делает чертежи прекрасных зданий, но никто их не берет, и мно-

гие глупые люди даже смеются над ним. Чтобы пробиться вперед, нужны покровители или удача, а у него нет ни покровителей, ни удачи. Вот и ходит он, разыскивая случая – какого-то случая, – а может быть, и на земле ищет денег, как я. Он очень еще молод и наивен.

Конечно, когда-нибудь и к нам повернется счастье, но только когда это будет? А пока нам очень трудно жить. Когда мы повенчались, у нас было маленькое приданое, но мы очень скоро его прожили: все ходили в театр и ели конфеты. Он еще надеется, а я иногда совсем теряю надежду и потихоньку плачу. Сердце у меня сжимается, когда я подумаю, что вот придет он, и опять ничего – кроме моих жалких поцелуев.

Господи боже! Будь нам милосердным и добрым отцом. Ведь у тебя так много всего: и хлеба, и работы, и денег. Твоя земля так богата: она родит плоды и колосья на поле, она покрывает цветами луга, из темной глубины своей шлет она людям золото и драгоценные красивые камни. И так много тепла у твоего солнца, и у твоих задумчивых звезд так много тихой радости. Дай нам немного из своей кошницы, совсем немного, столько, сколько даешь ты птицам своим. Немного хлеба, чтобы не был голоден мой милый, хороший муж. Немного тепла, чтобы не было холодно ему, и немного работы, чтобы поднял он гордо свою краси-

вую голову. И, пожалуйста, не гневайся на моего мужа, что он так ругается, и смеется, и даже поет, заставляя меня танцевать: он так молод и совершенно несерьезен.

Теперь, когда я помолилась, мне стало легче, и я опять надеюсь. Правда, отчего богу не дать, когда его так просят? Пойду и поищу немного, не уронил ли кто-нибудь кошелек или блестящий алмаз. (Уходит.)

Некто в сером. Она не знает, что уже исполнено желание ее. Она не знает, что уже сегодня утром в богатом доме два человека, согнувшись, жадно рассматривали чертёж Человека и восторгались им. Весь день сегодня они тщетно разыскивали Человека, – богатство искало его, как он ищет богатство. И завтра утром, когда соседи уйдут на работу, к их дому подъедет автомобиль, и два господина, низко кланяясь, войдут в бедную комнату и принесут богатство и славу. Но не знают об этом ни он, ни она. Так приходит к человеку счастье – и так же уходит оно.

Входят **Человек** и его **Жена**. У Человека красивая, гордая голова с блестящими глазами, высоким лбом и черными бровями, расходящимися от переносья, как два смелых крыла. Волнистые черные волосы свободно откинута назад: низкий, белый, мягкий воротник открывает стройную шею и часть груди. В движениях своих Человек легок и быстр, как молодое жи-

вотное, но позы он принимает свойственные только человеку: деятельно-свободные и гордые.

Человек. Опять ничего. Скоро я лягу в постель и так буду лежать весь день, – пускай приходят за мной те, кому я нужен, а сам я не пойду. Завтра же лягу.

Жена. Ты устал?

Человек. Да, я устал и голоден. Я мог бы, как герой Гомера, съесть целого быка, а придется довольствоваться куском черствого хлеба. Ты знаешь ли, что человек не может постоянно есть один только хлеб, – мне хочется грызть, рвать, кусать!

Жена. Мне жалко тебя, мой милый.

Человек. Да, и мне жалко себя, но от этого я не сыт. Сегодня я целый час стоял перед гастрономическим магазином, и как люди рассматривают произведение искусства, так я рассматривал эти пулярки, паштеты, колбасы. А вывески! Они так хорошо умеют рисовать ветчину, что ее можно съесть вместе с железом.

Жена. Ветчину и я люблю.

Человек. Кто же не любит ветчины? А омаров ты любишь?

Жена. Да, люблю.

Человек. Какого я видел омара! Он был нарисован, но он был еще красивее, чем живой. Красный, как кардинал, величественный, строгий, он стоил того, чтобы подойти к нему под благословение. Я думаю, я мог бы

съесть двух таких кардиналов и папу – карпа в придачу.

Жена (грустно). Ты не замечаешь моих цветов?

Человек. Цветы? А их можно есть?

Жена. Ты не любишь меня.

Человек (целуя ее). Прости меня! Но, правда, я так голоден. Посмотри, у меня трясутся руки, я даже в собаку не в силах бросить камнем.

Жена (целует руку). Бедный мой!

Человек. А откуда эти листья на полу? От них так хорошо пахнет. Это также ты?

Жена. Нет, это, наверное, соседи.

Человек. Милые люди наши соседи. Странно: так много хороших людей на свете, а человек может умереть с голоду. Отчего это?

Жена. Ты стал так мрачен. Ты хмуришься? Ты видишь что-нибудь?

Человек. Да, предо мной, среди моих шуток, проскользнул ужасный образ нищеты и стал вон там, в углу. Ты видишь ее? Жалобно протянутые руки, брошенность детеныша в лесу, молящий голос и тишина людской пустыни. Помогите! Никто не слышит. – Помогите, я умираю! – Никто не слышит. Смотри, жена, смотри! Вот, дрожа, выплывают смутные черные тени, как обрывки верного дыма из длинной страшной трубы, ведущей в ад. Смотри: и я между ними.

Жена. Мне стало страшно, и я не могу смотреть в тот темный угол. Ты видел все это на улице?

Человек. Да, я видел все это на улице, и скоро это будет с нами.

Жена. Нет, бог не допустит этого.

Человек. Отчего же он для других допускает?

Жена. Мы лучше других, мы хорошие люди. Мы ничем его не огорчаем.

Человек. Ты думаешь? А я так часто ругаюсь.

Жена. Ты не злой.

Человек. Нет, я злой, я злой! Когда я захожу по улице и посмотрю на все, что нам не принадлежит, у меня отрастают клыки, как у кабана. Ах, как много нет у меня денег! Слушай меня, маленькая женка! Сегодня я гулял вечером в парке, в этом прекрасном парке, где дороги прямые, как стрелы, и красивые буки похожи на королей в коронах...

Жена. А я ходила по улицам города, и там все магазины, такие красивые магазины...

Человек. Мимо меня проходили люди с тросточками, одетые так красиво, и я думал: а у меня этого нет!

Жена. Нарядные женщины в изящных ботинках, делающих ногу красивой, в прекрасных шляпах, из-под которых глаза сверкают так таинственно, в шелковых юбках, издающих загадочный шелест, – проходили мимо меня, и я думала: а у меня нет хорошей

шляпки, нет шелковой юбки!

Человек. Один нахал толкнул меня плечом, но я показал ему свои клыки, и он позорно спрятался за других!

Жена. Меня толкнула нарядная дама, но я даже не посмотрела на нее: так было мне неловко!

Человек. Там проносились всадники на горячих, гордых конях, а у меня этого нет!

Жена. У нее в ушах были такие брильянты, что хотелось поцеловать!

Человек. Там бесшумно, как призраки с горящими глазами, скользили красные и зеленые автомобили, и люди сидели в них, и смеялись, и лениво смотрели по сторонам, – а у меня этого нет!

Жена. А у меня нет ни брильянтов, ни изумрудов, ни белого чистого жемчуга!

Человек. Над озером богатый ресторан сверкал огнями, как царствие небесное, и там ели! Министры во фраках, какие-то ангелы с белыми крыльями разносили бутерброды и пиво, и там ели, там пили! Я есть хочу! Маленькая женка, я есть хочу!

Жена. Миленький, ты бегаешь, а от этого еще больше хочется есть. Ты лучше сядь, а я сяду к тебе на колени, а ты возьми бумагу и нарисуй красивое-красивое здание.

Человек. Мое вдохновение так же голодно, оно ри-

сует только съестные пейзажи! Уже давно дворцы походят на толстые пироги с жирной начинкой, а церкви – на гороховые колбасы. Но на твоих глазах я вижу слезы: что с тобой, моя маленькая женка?

Жена. Мне так грустно, что я не могу помочь тебе!

Человек. Ты меня пристыдила. Я, крепкий мужчина, умный, талантливый, здоровый, ничего не могу сделать, а моя маленькая женка, моя сказочная фея плачет, что не в силах помочь мне! Когда женщина плачет, это всегда позор для мужчины. Мне совестно!

Жена. Ты же не виноват, что люди не могут тебя оценить!

Человек. У меня даже уши покраснели! Словно меня, как в детстве, отодрали за уши! Ты ведь тоже голодна, а я не вижу этого, как настоящий эгоист. Это подло!

Жена. Милый мой, я не чувствую голода...

Человек. Это бесчестно! Это малодушно! Тот нахал, который толкнул меня, был прав: он видел, что это идет настоящая жирная свинья! Кабан с острыми клыками, но с глупой головой!

Жена. Если ты будешь бранить себя так нехорошо, я опять заплачу.

Человек. Нет, нет, не нужно слез! Когда я вижу слезы на твоих глазах, мною овладевает страх. Я боюсь этих кристальных, светлых капелек: точно кто-то дру-

гой, кто-то страшный роняет их. Я не позволю тебе плакать. У нас нет ничего, мы бедны, – но я расскажу тебе о том, что у нас будет. Я очарую тебя светлой сказкой, яркими мечтами обовью я тебя, как розами, моя царица!

Жена. Не нужно бояться! Ты сильный, ты гениальный, и ты победил жизнь. Минута уныния пройдет, и святое вдохновение вновь осенит твою гордую голову.

Человек (становится в гордую и смелую позу вызова и бросает в тот угол, где стоит Неизвестный, дубовый листок со словами). Эй, ты, как тебя там зовут: рок, дьявол или жизнь, я бросаю тебе перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются перед твоею загадочною властью. Твое каменное лицо внушает им ужас, в твоём молчании они слышат зарождение бед и грозное падение их. А я смел и силен и зову тебя на бой. Поблестим мечами, позвеним щитами, обрушим на головы удары, от которых задрожит земля! Эй, выходи на бой.

Жена (приникая немного позади к его левому плечу, говорит страстно). Смелее, мой милый, еще смелее!

Человек. Твоей зловещей косности я противопоставлю мою живую и бодрую силу; мрачности твоей – мой яркий и звонкий смех! Эй, отражай удары! У тебя каменный лоб, лишенный разума, – бросаю в него раскаленные ядра моей сверкающей мысли; у тебя

каменное сердце, лишённое жалости, – сторонись, я лью в него горячую отраву мятежных криков! Черною тучею твоего свирепого гнева затмится солнце, – мы мечами осветим тьму! Эй, отражай удары!

Жена. Смелее, еще смелее! За тобой стоит твой оруженосец, мой гордый рыцарь!

Человек. Побеждая, я буду петь песни, на которые откликнется вся земля; молча падая под твоим ударом, я буду думать лишь о том, чтобы снова встать и ринуться на бой! В моей броне есть слабые места, я знаю это. Но, покрытый ранами, истекающий алой кровью, я силы соберу, чтобы крикнуть: ты еще не победил, злой недруг человека!

Жена. Смелее, мой рыцарь! Я слезами твои омою раны, поцелуями остановлю бег алой крови!

Человек. И, умирая на поле брани, как умирают храбрые, одним лишь возгласом я уничтожу твою слепую радость: я победил! Я победил, злой враг мой, ибо до последнего дыхания не признал я твоей власти!

Жена. Смелей, мой рыцарь, смелей! Я умру с тобой, Человек. Эй, эй, выходи на бой! Поблестим мечами, позвеним щитами, обрушим на головы удары, от которых задрожит земля. Эй, выходи!

Некоторое время Человек и его Жена остаются в тех же позах, потом оборачиваются друг к другу и це-

луются.

Так разделаемся мы с жизнью, моя маленькая женка, не правда ли? Пусть она хмурится, как слепая сова при солнце, – мы заставим ее улыбнуться!

Жена. И поплясать под наши песни. Нас двое!

Человек. Нас двое. Ты хорошая жена, ты моя верная подруга, ты храбрая маленькая женщина, и, пока мы с тобой, нам никто не страшен. Эка бедность! Сегодня бедны, а завтра уже богаты!

Жена. И что такое голод? Сегодня хочется есть, а завтра мы уже сыты.

Человек. Ты думаешь? Очень возможно. Но я буду очень много есть – так много нужно, чтобы я почувствовал себя сытым. Как ты думаешь, достаточно это будет: утром чай, или кофе, или шоколад, как кто хочет, выбор свободный. Потом завтрак из трех блюд. Потом обед. Потом ужин. Потом...

Жена. Побольше фруктов. Я очень люблю фрукты.

Человек. Хорошо. Я буду корзинами покупать их прямо на рынке: там они дешевле и свежее. Впрочем, у нас будет свой сад.

Жена. Но у нас нет земли!

Человек. Я куплю. Мне давно хочется иметь свой кусочек земли. Кстати, я построю там дом по своему рисунку. Пусть посмотрят, негодяи, какой я архитектор!

Жена. Мне хотелось бы в Италии, у самого моря. Мраморная белая вилла в роще лимонов и кипарисов. И чтобы белые мраморные ступени опускались прямо в голубые волны.

Человек. Понимаю. Это хорошо. Но я рассчитываю, кроме того, построить замок в Норвегии, в горах. Внизу фиорд, а сверху, на острой горе, замок. Бумаги у нас нет? Ну, смотри на стену, я буду показывать. Вот это фиорд, видишь?

Жена. Да. Как красиво!

Человек. Блестящая, глубокая вода здесь – она отражает нежно-зеленую траву: здесь – красный, черный, коричневый камень. А вот здесь в прорыве где вот это пятно – клочок голубого неба и белое, тихое облачко...

Жена. Белая лодка, смотри, отразилась в воде, как будто грудь с грудью два белые лебедя.

Человек. А вот тут идет кверху гора. Веселая, зеленая снизу, кверху она все мрачнее, все строже. Острые скалы, черные тени, обрывки и лохмотья туч...

Жена. Похоже на разрушенный замок.

Человек. И вот на том, на среднем пятне построю я царственный замок.

Жена. Там холодно! Там ветер!

Человек. У меня будут толстые каменные стены и огромные окна из целого стекла. Ночью, когда забу-

шует зимняя вьюга и заревет внизу фиорд, мы завесим окна и затопим огромный камин. Это будут такие огромные очаги, в которых будут гореть целые бревна, целые леса смолистых сосен!

Жена. Как тепло!

Человек. И тихо как, заметь. Везде ковры и много-много книг, от которых бывает такая живая и теплая тишина. А мы вдвоем. Там ревет буря, а мы вдвоем, перед камином, на шкуре белого медведя. «Не взглянуть ли, что делается там?» – скажешь ты. «Хорошо», – отвечу я, и мы подойдем к самому большому окну и отдернем занавес. Боже, что там!

Жена. Клубится снег!

Человек. Точно белые кони несутся, точно мириады испуганных маленьких духов, бледных от страха, ищут спасения у ночи. И визг и вой...

Жена. Ой, холодно! Я дрожу!

Человек. Скорее к огню! Эй, подайте мой дедовский кубок. Да не тот, – золотой, из которого викинги пили! Налейте его золотистым вином, да не так, – до краев пусть поднимается жгучая влага. Вот на вертеле жарится серна – несите-ка ее сюда, я ее съем! Да скорее, а то я съем вас самих, – я голоден, как черт!

Жена. Ну, вот и принесли... Дальше.

Человек. Дальше... Понятно, я ее съем, что же может быть дальше? Но что ты делаешь с моей головой,

маленькая женка?

Жена. Я богиня славы! Из листьев дубовых, которые набросали соседи, я сплела тебе венок и венчаю тебя. Это слава пришла, прекрасная слава! (Надевает венок.)

Человек. Да, слава, шумящая, звонкая слава. Смотри на стену! Вот это – я иду. А кто рядом со мной, видишь?

Жена. Это я.

Человек. Смотри – нам кланяются. О нас шепчутся. На нас показывают пальцами. Вот какой-то почтенный старик заплакал и говорит: счастлива родина, имеющая таких детей. Вот юноша, бледнея, смотрит, на него с улыбкой оглянулась слава. В это время я уже построил Народный дом, которым гордится вся наша земля...

Жена. Ты мой славный! К тебе так идет венок из дуба, а из лавра пошел бы еще больше.

Человек. Смотри, смотри! Вот это – идут ко мне представители от города, где я родился. Они кланяются и говорят: город наш гордится честью...

Жена. Ах!

Человек. Что ты?

Жена. Я нашла бутылку молока.

Человек. Этого не может быть!

Жена. И хлеб, мягкий пахучий хлеб. И сигару.

Человек. Этого не может быть! Ты ошиблась: это сырость с проклятой стены, а тебе показалось – мо- локо.

Жена. Да нет же!

Человек. Сигара! Сигары не растут на окнах. Их за бешеные деньги продают в магазинах. Это, наверное, черный обломанный сучок!

Жена. Ну, посмотри же! Я догадываюсь: это принес- ли наши милые соседи.

Человек. Соседи? Поверь мне: это люди, но – бо- жественного происхождения. Но если бы это принес- ли сами черти... Скорее сюда, моя маленькая женка!

Жена Человека садится к нему на колени, и так они едят. Она отламывает кусочки хлеба и кладет ему в рот, а он поит ее молоком из бутылки.

По-видимому, сливки!

Жена. Нет, молоко. Жуй получше, ты подавишься!

Человек. Корку давай. Она такая поджаристая!

Жена. Ну, ведь я говорила, что подавишься.

Человек. Нет, проглотил.

Жена. У меня молоко течет по шее и подбородку. Ой, щекотно!

Человек. Дай я его выпью. Не нужно, чтобы капля пропадала.

Жена. Какой ты хитрый!

Человек. Готово. Быстро. Все хорошее кончается

так быстро. У этой бутылки, по-видимому, двойное дно: с виду она кажется глубже! Какие жулики эти фабриканты стекла!

Он закуривает сигару, приняв позу блаженно отдыхающего человека, она повязывает в волосы розовенькую ленточку, смотрясь в черное стекло окна.

По-видимому, дорогая сигара: очень пахучая и крепкая. Всегда буду курить такие!

Жена. Ты не видишь?

Человек. Все вижу. И ленточку, и вижу, что ты хочешь, чтобы я поцеловал твою голенькую шейку. Жена. Этого я не позволю. Вообще ты стал что-то развязен. Кури, пожалуйста, свою сигару, а моя шейка...

Человек. Что? Да разве она не моя? Черт возьми, покушение на собственность!

Она бежит. Человек догоняет ее и целует.

Вот. Права восстановлены. А теперь, моя маленькая женка, танцевать. Вообрази, что это – великолепный, роскошный, изумительный, сверхъестественный, красивый дворец.

Жена. Вообразила.

Человек. Вообрази, что ты – царица бала.

Жена. Готово.

Человек. И к тебе подходят маркизы, графы, пэры. Но ты отказываешь им и избираешь этого, как его – в трико. Принца! Что же ты?

Жена. Я не люблю принцев.

Человек. Вот как! Кого же ты любишь?

Жена. Я люблю талантливых художников.

Человек. Готово. Он подошел. Боже мой, но ведь ты кокетничаешь с пустотой? Женщина!

Жена. Я вообразила.

Человек. Ну, ладно. Вообрази изумительный оркестр. Вот турецкий барабан: бум-бум-бум! (Бьет кулаком по столу, как по барабану.)

Жена. Милый мой! Это только в цирке собирают публику барабаном, а во дворце...

Человек. Ах, черт возьми! Перестань воображать. Воображай опять! Вот заливаются певучие скрипки. Вот нежно поет свирель. Вот гудит, как жук, толстый контрабас...

Человек в дубовом венке садится и напевает танец, прихлопывая в такт ладонями. Мотив тот, что повторяется в следующей картине на балу у Человека. Жена танцует, грациозная и стройная.

Ах ты, козочка моя!

Жена. Я царица бала.

Пенье и танец все веселее. Постепенно Человек встает, потом начинает слегка танцевать на месте, потом схватывает Жену и с сбившимся на сторону дубовым венком танцует.

И равнодушно смотрит Некто в сером, держа в ока-

менелой руке ярко пылающую свечу.

Опускается занавес

Картина третья

Бал у человека

Бал происходит в лучшей зале обширного дома Человека. Это очень высокая, большая, правильно четырехугольная комната с совершенно гладкими белыми стенами, таким же потолком и светлым полом. Есть какая-то неправильность в соотношении частей, в размерах их – так, двери несоразмерно малы сравнительно с окнами, вследствие чего зала производит впечатление странное, несколько раздражающее – чего-то дисгармоничного, чего-то ненайденного, чего-то лишнего, пришедшего извне. Все полно холодной белизной, и однообразие ее нарушается только рядом окон, идущих по задней стене. Очень высокие, почти до потолка, близко стоящие друг к другу, они густо чернеют темнотою ночи: ни одного блика, ни одного светлого пятнышка не видно в пустых междурамных провалах. В обилии позолоты выражается богатство Человека. Золоченые стулья и очень широкие золотые рамы на картинах. Это единственная мебель и единственное украшение огромной высокой залы. Освещается она тремя люстрами в виде обручей, с редкими, широко расставленными электриче-

скими свечами. Очень светло к потолку; внизу света значительно меньше, так что стены кажутся сероватыми.

Бал у Человека в полном разгаре. Играет оркестр из трех человек, причем **музыканты** очень похожи на свои инструменты. Тот, что со скрипкой, похож на скрипку: тонкая шея, маленькая головка с хохолком, склоненная набок, несколько изогнутое туловище; на плече, под скрипкой, аккуратно разложен носовой платок. Тот, что с флейтой, похож на флейту: очень длинный, очень худой, с затянутыми худыми ногами. И тот, что с контрабасом, похож на контрабас: невысокий, с покатыми плечами, книзу очень толстый, в широких брюках. Играют они с необыкновенной старательностью, бросающейся в глаза: отбивают такт, помахивают головой, раскачиваются. Мотив во все время бала один и тот же. Это – коротенькая, в две музыкальных фразы, полька, с подпрыгивающими, веселыми и чрезвычайно пустыми звуками. Все три инструмента играют немного не в тон друг другу, и от этого между ними и между отдельными звуками некоторая странная разобщенность, какие-то пустые пространства. Мечтательно танцуют **девушки и молодые люди**. Все они очень красивые, изящные, стройные. В противоположность крикливым звукам музыки, их танец очень плавен, неслышен и легок; при первой

музыкальной фразе они кружатся, при второй расходятся и сходятся грациозно и несколько манерно.

Вдоль стены, на золоченых стульях, сидят **гости**, застывшие в чопорных позах. Туго двигаются, едва ворочая головами, так же туго говорят, не перешептываясь, не смеясь, почти не глядя друг на друга и отрывисто произнося, точно обрубая, только те слова, что вписаны в текст. У всех руки в кисти точно переломлены и висят туго и надменно. При крайнем, резко выраженном разнообразии лиц все они охвачены одним выражением: самодовольства, чванности и тупого почтения перед богатством Человека.

Танцующие только в белых платьях, мужчины в черном. Среди гостей черный, белый и ярко-желтый цвета.

В ближнем углу, более темном, чем другие, неподвижно стоит **Некто в сером**, именуемый **Он**. Свеча в его руке убыла на две трети и горит сильно желтым огнем, бросая желтые блики на каменное лицо и подбородок Его.

Разговор гостей

– Я должна заметить, что это очень большая честь – быть в гостях на балу у Человека.

– Вы можете добавить, что этой чести удостоены весьма немногие. Весь город добивался приглашения, а попали лишь весьма немногие. Мой муж, мои дети и я, мы все весьма гордимся честью, которую оказал нам глубокоуважаемый Человек.

– Мне даже жаль тех, кто не попал сюда: всю ночь они не будут спать от зависти, а завтра станут клеветать про скуку на балах Человека.

– Они никогда не видали этого блеска.

– Добавьте: этого изумительного богатства и роскоши.

– Я и говорю: этого чарующего, беззаботного веселья. Если это не весело, то я желала бы видеть, где бывает весело!

– Оставьте: вы не переспорите людей, когда их мучит зависть. Они вам скажут, что вовсе не на золоченых стульях мы сидели. Во все не на золоченых.

– Что это были самые простые, дешевые стулья, купленные у торговца старыми вещами!

– Что вовсе и не электричество нам светило, но простые сальные свечи.

– Скажите: огарки.

– Дрянные плошки. О, клевета!

– Они будут нагло отрицать, что в доме Человека золоченые карнизы.

– И что у картин такие широкие золотые рамы. Мне кажется, будто я слышу звон золота.

– Вы видите его блеск, этого достаточно, я думаю.

– Я редко наслаждаюсь такой музыкой, как на балах Человека. Это божественная гармония, уносящая душу в высшие сферы.

– Я надеюсь, что музыка будет достаточно хороша, если за нее платят такие деньги. Вы не должны забывать, что это лучший оркестр в городе и играет в самых торжественных случаях.

– Эту музыку долго потом слышишь, она положительно покоряет слух. Мои дети, возвращаясь с балов Человека, долго еще напевают мотив.

– Мне иногда кажется, что я слышу ее на улице. Оглядываюсь и нет ни музыкантов, ни музыки.

– А я слышу ее во сне.

– Мне особенно нравится то, должна я сказать, что музыканты играют так старательно. Они понимают, какие деньги им платят за музыку, и не желают получать их даром. Это очень порядочно!

– Похоже даже, будто они сами вошли в свои инструменты: так стараются они!

– Или, скажите, инструменты вошли в них.

– Как богато!

– Как пышно!

– Как светло!

– Как богато!

Некоторое время в разных концах, отрывисто, звуком, похожим на лай, повторяют только два эти выражения: «Как богато!», «Как пышно!»

– Кроме этой залы, у Человека в доме еще пятнадцать великолепных комнат, и я видела их все. Столовая с таким огромным камином, что в нем можно жечь целые деревья. Великолепные гостиные и будуар. Обширная спальня, и над изголовьем у кроватей, вы представьте себе, – балдахины!

– Да, это изумительно. Балдахины!

– Вы слышали: балдахины!

– Позвольте мне продолжать. Для сына, маленького мальчика, прекрасная светлая комната из золотистого желтого дерева. Кажется, что в ней всегда светит солнце...

– Это такой прелестный мальчик. У него кудри как солнечные лучи.

– Это правда. Когда посмотришь на него, то невольно думаешь: ах, неужели взошло солнце!

– А когда посмотришь в его глаза, то думаешь: ах, вот уже кончилась осень и опять показалось голубое

небо.

– Человек так безумно любит своего сына. Для верховой езды он купил ему пони, хорошенького, светло-белого пони. Мои дети...

– Позвольте мне продолжать, я прошу вас. Я уже говорила про ванну?

– Нет! Нет!

– Так вот: ванна!

– Ах, ванна!

– Да. Горячая вода постоянно. Дальше кабинет самого Человека, и там все книги, книги, книги. Говорят, что он очень умный, и это видно по книгам.

– А я видела сад!

– Сада я не видала.

– А я видела сад, и он очаровал меня, я должна в этом сознаться. Представьте себе: изумрудно-зеленые газоны, подстриженные с изумительной правильностью. Посередине проходят две дорожки, усыпанные мелким красным песком. Цветы – даже пальмы.

– Даже пальмы.

– Да, даже пальмы. И все деревья подстрижены так же: одни как пирамиды, другие как зеленые колонны. Фонтаны. Зеркальные шары. А в траве среди ее зелени стоят маленькие гипсовые гномы и серны.

– Как богато!

– Как роскошно!

Некоторое время отрывисто повторяют: «Как богато!», «Как роскошно!»

– Господин Человек удостоил меня чести показать свои конюшни и сараи, и я высказал полное одобрение содержащимся там лошадям и экипажам. Особенно глубокое впечатление произвел на меня автомобиль.

– Вы подумайте: у него только семь человек одной прислуги: повар, кухарка, две горничные, садовники...

– Вы пропустили кучера.

– Да, конечно, и кучер.

– Да, сами они ничего уже не делают. Такие важные.

– Нужно согласиться, что это большая честь – быть в гостях у Человека.

– Вы не находите, что музыка несколько однообразна?

– Нет, я этого не нахожу и удивляюсь, что вы это находите. Разве вы не видите, какие это музыканты?

– А я скажу, что всю жизнь желала бы слушать эту музыку: в ней есть что-то, что волнует меня.

– И меня.

– И меня.

– Так хорошо под нее отдаваться сладким мечтам о блаженстве...

– Уноситься мыслью в надзвездные сферы!

– Как хорошо!

– Как богато!

– Как пышно!

Повторяют.

– Я вижу у тех дверей движение. Сейчас пройдет через залу Человек со своей Женой.

Музыканты совершенно выбиваются из сил.

– Вот они!

– Идут! Смотрите, идут.

В невысокие двери с правой стороны показываются **Человек**, его **Жена**, его **Друзья** и **Враги** и наискось пересекают залу, направляясь к дверям на левой стороне. Танцующие, продолжая танцевать, расступаются и дают дорогу. Музыканты играют отчаянно громко и разноголосо.

Человек сильно постарел: в длинных волосах его и бороде заметная проседь. Но лицо мужественно и красиво, и идет он со спокойным достоинством и некоторой холодностью; смотрит прямо перед собою, точно не замечая окружающих. Так же постарела, но еще красива его Жена, опирающаяся на его руку. И она точно не замечает окружающего и несколько странным, почти остановившимся взглядом смотрит прямо перед собою. Одеты они богато.

Первыми за Человеком идут его Друзья. Все они очень похожи друг на друга: благородные лица, открытые высокие лбы, честные глаза. Выступают они гор-

до, выпячивая грудь, ставя ноги уверенно и твердо, и по сторонам смотрят снисходительно, с легкой насмешливостью. У всех у них в петлицах белые розы. Следующими, за небольшим интервалом, идут Враги Человека, очень похожие друг на друга. У всех у них коварные, подлые лица, низкие, придавленные лбы, длинные обезьяньи руки. Идут они беспокойно, толкаясь, горбясь, прячась друг за друга, и исподлобья бросают по сторонам острые, коварные, завистливые взгляды. В петлицах – желтые розы.

Так медленно и совершенно молча проходят они через залу. Топот шагов, музыка, восклицания гостей создают очень нестройный, резко дисгармоничный шум.

Гости:

- Вот они! Вот они! Какая честь!
- Как он красив!
- Какое мужественное лицо!
- Смотрите! Смотрите!
- Он не глядит на нас!
- Он нас не видит!
- Мы его гости!
- Какая честь! Какая честь!
- А она? Смотрите, смотрите!
- Как она прекрасна!
- Как горда!

- Нет, нет, вы на брильянты посмотрите!
- Брильянты! Брильянты!
- Жемчуг! Жемчуг!
- Рубины!
- Как богато! Какая честь!
- Честь! Честь! Честь!

Повторяют.

- А вот Друзья Человека!
- Смотрите, смотрите, вот Друзья Человека!
- Благородные лица!
- Гордая поступь!
- На них сияние его славы!
- Как они любят его!
- Как верны ему!
- Какая честь быть другом Человека!
- Они смотрят на все, как на свое!
- Они тут дома!
- Какая честь!
- Честь! Честь! Честь!

Повторяют.

- А вот Враги Человека!
- Смотрите, смотрите – Враги Человека!
- Они идут, как побитые собаки.
- Человек укротил их.
- Он надел на них намордники!
- Они виляют хвостом.

- Крадутся!
- Толкаются!
- Ха-ха! Ха-ха!

Хохочут.

- Какие подлые лица!
- Жадные взгляды!
- Трусливые!
- Завистливые!
- Они боятся на нас смотреть.
- Чувствуют, что мы дома.
- Их нужно еще поугаать!
- Человек будет благодарен!
- Пугайте их, пугайте!
- Го-го!

Кричат на Врагов Человека, смешивая крик «го-го» с хохотом. Враги жмутся друг к другу, боязливо и остро поглядывая по сторонам.

- Уходят! Уходят!
- Какая честь!
- Уходят!
- Го-го! Ха-ха!
- Ушли! Ушли! Ушли!

Шествие скрывается в двери с левой стороны. Наступает некоторое затишье. Музыка играет не так громко, и танцующие постепенно заполняют залу.

- Куда они прошли?

- Я думаю, что они прошли в столовую, там сервирован ужин.
- Вероятно, скоро пригласят и нас. Вы не видите никого, кто бы искал нас?
- Да, уже пора. Если сесть за ужин позже, то плохо будешь спать ночью.
- Должен заметить, что и я ужинаю весьма рано.
- Поздний ужин тяжело ложится на желудок.
- А музыка все играет!
- А они все танцуют. Я удивляюсь, как не устанут они.
- Как богато!
- Как пышно!
- Вы не знаете, на скольких особ сервирован ужин?
- Я не успела сосчитать. Вошел метрдотель, и мне пришлось удалиться.
- Не может быть, чтобы нас забыли!
- Но ведь Человек так горд. Мы же так ничтожны.
- Оставьте! Мой муж говорит, что мы сами оказываем ему честь, бывая у него. Мы сами достаточно богаты.
- Если принять в расчет репутацию его жены...
- Вы не видите никого, кто бы искал нас? Быть может, он ищет нас в других комнатах?
- Как богато!..
- Если не совсем осторожно обращаться с чужими

деньгами, то, я думаю, можно стать богатым.

– Перестаньте, это говорят его враги...

– Однако среди них есть люди весьма почтенные.

Должна сознаться, что мой муж...

– Однако, как уже поздно!

– Здесь, очевидно, произошло недоразумение! Я не могу допустить, чтобы нас просто забыли.

– По-видимому, вы плохо знаете жизнь и людей, если вы думаете так.

– Удивляюсь. Мы сами достаточно богаты...

– Кажется, кто-то звал нас?

– Это вам послышалось! Нас никто не звал. И я не понимаю, должна сознаться откровенно, зачем мы пришли в дом с такой репутацией. Знакомство нужно выбирать осторожно.

В двери показывается **Лакей** в ливрее:

– Господин Человек и его супруга просят почтенных господ пожаловать к столу.

Гости (поспешно подымаясь):

– Какая ливрея!

– Он нас позвал!

– Я говорила, что здесь недоразумение.

– Человек так мил! Они, наверное, еще сами не успели сесть за стол.

– Я говорила, нет ли кого-нибудь, кто искал бы нас.

– Какая ливрея!

– Говорят, что ужин великолепен.

– У Человека ничего не может быть плохо.

– Какая музыка! Какая честь быть на балу у Человека!

– Пусть нам позавидуют те...

– Как богато!

– Как пышно!

– Какая честь!

– Какая честь!

Повторяя, один за другим удаляются, и зала пустеет. Пара за парой оставляют танцы танцующие и молча уходят вслед за гостями. Некоторое время кружится еще одна пара, но и она вскоре уходит за другими. Но все с той же отчаянной старательностью играют музыканты.

Лакей тушит люстры, оставляя лишь одну свечу в дальней люстре, и уходит. В наступившем полумраке смутно колеблются фигуры музыкантов, раскачивающихся со своими инструментами, и резко выделяется Некто в сером. Пламя свечи колеблется и ярким желтоватым светом озаряет Его каменное лицо и подбородок.

Не поднимая головы, Он поворачивается и медленно, через всю залу, спокойными и тихими шагами, озаренный пламенем свечи, идет к тем дверям, куда ушел Человек, и скрывается в них.

Опускается занавес

Картина четвертая

Несчастье человека

Четырехугольная большая комната мрачного вида: гладкие темные стены, такой же пол и потолок. В задней стене два высоких восьмистекольных незанавешенных окна и низенькая дверь между ними; такие же два окна в правой стене. В окна смотрит ночь, и когда распахивается дверь, та же глубокая чернота ночи быстро взглядывает в комнаты. Вообще, как бы ни было светло, в комнатах Человека огромные темные окна поглощают свет. В левой стене одна только низенькая дверь, внутрь дома; у этой же стены стоит широкий диван, обитый черной клеенкой. У окна направо рабочий стол Человека, очень простой, бедный: на нем тускло горящая лампа под темным колпаком, желтое пятно разложенного чертежа и детские игрушки: маленький кивер, деревянная лошадка без хвоста и красный длинноносый паяц с бубенцами. В простенке между окнами старый книжный шкаф, совершенно пустой, разоренный, заметны пыльные полосы от книг – видно, что их унесли совсем недавно. Один стул. В углу, более темном, чем другие, стоит **Некто в сером**, именуемый **Он**. Свеча в его руке не больше как тол-

стый, слегка оплывший огарок, горящий красноватым колеблющимся огнем. И так же красны блики на каменном лице и подбородке Его.

Единственная прислуга Человека, **Старуха** сидит на стуле и говорит ровным голосом, обращаясь к воображаемому, собеседнику:

– Вот и снова впал в бедность Человек. Было у него много дорогих вещей, лошади и экипажи, и автомобиль даже был, а теперь нет ничего, и из всей прислуги осталась я только одна. В этой комнате и в других двух есть еще хорошие вещи – вот диван, вот шкаф, а в остальных двенадцати нет ничего, и стоят они пустые и темные. И днем и ночью бегают в них крысы, дерутся и пищат, люди их боятся, а я нет. Мне все равно.

Давно уже висит на воротах железная доска, где написано, что дом продается, но никто не покупает его. Уже проржавела доска, и буквы на ней стерлись от дождей, а никто не приходит и не покупает, никому не нужен старый дом. А может быть, кто-нибудь и купит тогда пойдем искать другого жилища, и будет оно совсем чужое. Госпожа станет плакать, заплачет, пожалуй, и старый господин, а я нет. Мне все равно.

Вы удивляетесь, куда же девалось богатство, не знаю, может быть, это и удивительно, но только всю жизнь жила я у людей и видела часто, как уходили

деньги, потихоньку уплывали в какие то щели.

Так и у этих моих господ. Было много, потом стало мало, потом совсем ничего; приходили заказчики и заказывали, потом перестали приходить. Спросила я однажды госпожу, отчего это так, а она ответила: «Перестает нравиться то, что нравилось; перестают любить, что любили». Как же это может быть, чтобы перестало нравиться, раз уже понравилось? Не ответила она и заплакала, а я нет. Мне все равно. Мне все равно.

Пока платят они мне, живу у них, а перестанут платить, пойду к другим и у других жить буду. Стряпала я им, а тогда другим стряпать стану, а потом и совсем перестану – старая стала и вижу плохо. Тогда выгонят они меня и скажут: ступай куда хочешь, а мы другую возьмем. Что ж? Я и пойду, мне все равно.

Вот удивляются мне люди: страшно, говорят, жить у них, страшно по вечерам сидеть, когда только ветер в трубе свистит да крысы пищат и грызутся.

Не знаю, может быть, и страшно, но только я не думаю об этом. Зачем? Они вдвоем, у себя сидят и смотрят друг на друга и ветер слушают, а я у себя на кухне сижу и тоже ветер слушаю. Разве не один ветер свистит в наши уши? У них так бывало, что придут молодые люди к ихнему сыну, и тогда все смеются, поют, ходят в пустые комнаты крыс разгонять, а ко мне ни-

кто не приходит, и сижу я одна, нее одна. Не с кем разговаривать – так я с собою говорю, и мне все равно.

И так у них плохо, а третьего дня и еще несчастье случилось: пошел молодой господин гулять, а шляпу набок надел и волосы выправил, как молодец, а злой человек взял из-за угла и бросил в него камнем и разбил ему голову, как орех. Принесли его, положили, и лежит он теперь, умирает – а может быть, и жив останется, кто знает. Плакали старая госпожа и господин, а потом взяли все книги, на воз положили да продали. Теперь сиделку на эти деньги наняли, лекарства взяли, даже винограду купили. Вот и пригодились книги. Но только не ест он винограду, даже не смотрит на него – так и стоит возле, на блюдечке. Так и стоит.

В наружную дверь входит **Доктор**, мрачный и очень озабоченный.

Доктор. Туда я попал? Вы не знаете, старушка? Я доктор, у меня много посещений, и я часто ошибаюсь. Туда зовут, сюда зовут, а дома все одинаковые, и люди в них скучные. Туда я попал?

Старушка. Не знаю.

Доктор. Вот я посмотрю на записную книжку. Не у вас ли ребенок, у которого болит горло и он задыхается?

Старушка. Нет.

Доктор. Не у вас ли господин, подавившийся ко-

стью?

Старушка. Нет.

Доктор. Не у вас ли человек, который внезапно сошел с ума от бедности и топором зарубил жену и двух детей? Всего должно быть четверо?

Старушка. Нет.

Доктор. Не у вас ли девушка, у которой перестало биться сердце? Не лгите, старушка, мне кажется, что она у вас.

Старушка. Нет.

Доктор. Нет. Я вам верю, вы говорите искренно. Не у вас ли молодой человек, которому камнем разбили голову и он умирает?

Старушка. У нас. Ступайте в ту дверь, налево. Да дальше не ходите, там вас съедят крысы.

Доктор. Хорошо. Звонят, все звонят, днем и ночью. Вот и теперь ночь. Фонари все потушены, а я все иду. Часто ошибаюсь я, старушка. (Уходит в дверь, ведущую внутрь дома.)

Старушка. Одни доктор лечил – не вылечил, теперь другой будет – и тоже, должно быть, не вылечит. Что ж! Тогда умрет ихний сын, и останемся мы в доме одни. Я буду в кухне сидеть и с собой разговаривать, а они тут будут сидеть, молчать и думать. Еще одна комната освободится, и будут в ней бегать и драться крысы. Пускай бегают и дерутся, мне все равно. Мне

все равно.

Спрашиваете вы меня, за что ударил злой человек молодого господина. А я не знаю – откуда же я буду знать, за что люди убивают один другого? Один бросил камень из-за угла и убежал, а другой свалился и теперь умирает – вот это я знаю. Говорят, что добрый был наш молодой господин, смелый и за бедных заступался, – не знаю, мне все равно. Добрый или злой, молодой или старый, живой или мертвый, мне все равно. Мне все равно.

Пока платят – живу, а перестанут платить – пойду к другим: и другим стряпать буду, а потом совсем перестану, – стара я стала, вижу плохо и соли от сахара не отличаю. Тогда выгонят они меня и скажут: ступай куда хочешь, а мы другую возьмем. Что ж? Я и пойду, мне все равно. Мне все равно...

Входят **Доктор**, **Человек** и его **Жена**. Оба они очень состарились и совершенно седые. Высоко стоящие, длинные волосы Человека и большая борода придают его голове сходство с львиной головой: ходит он, слегка сгорбившись, но голову держит прямо и смотрит из-под седых бровей сурово и решительно. Когда разглядывает что-нибудь вблизи, то надевает большие очки в серебряной оправе.

Доктор. Ваш сын крепко уснул, и вы не будите его. Сон, может быть, к лучшему. И вы засните: если чело-

век имеет время спать, он должен спать, а не ходить и не разговаривать.

Жена. Благодарю вас, доктор, вы так нас успокоили. А завтра вы не приедете к нам?

Доктор. И завтра приеду и послезавтра. А вы, старушка, тоже ступайте спать. Уже ночь, и всем пора спать. В эту дверь надо идти? Я часто ошибаюсь.

Уходит. Уходит и Старушка, и Человек остается с Женой вдвоем.

Человек. Посмотри, жена: вот это я начал чертить, когда наш сын был еще здоров. Вот на этой линии я остановился и подумал: отдохну, а потом буду продолжать опять. Посмотри, какая простая и спокойная линия, а на нее страшно взглянуть: ведь она может быть последней, которую провел я при жизни сына. Каким зловещим неведением дышит ее простота, ее спокойствие!

Жена. Не тревожься, мой милый, гони от себя дурные мысли. Я верю, что доктор сказал правду и сын наш выздоровеет.

Человек. А ты разве не тревожишься? Взгляни на себя в зеркало: ты бела, как твои волосы, мой старый друг.

Жена. Конечно, я немного тревожусь, но я убеждена, что опасности нет.

Человек. И теперь, как и всегда, ты ободряешь ме-

ня и обманываешь так искренно и свято. Бедный мой оруженосец, верный хранитель моего иступившегося меча, – плох твой старый рыцарь, не держит оружия его дряхлая рука. Что я вижу? Это игрушки сына! Кто положил их сюда?

Жена. Мой милый, ты забыл: ты сам же давно еще положил их сюда. Ты говорил тогда, что тебе легче работается, если перед тобою лежат эти детские невинные игрушки.

Человек. Да, я забыл. Но теперь мне страшно смотреть на них, как осужденному на орудия пытки и казни. Когда ребенок умирает, проклятием для живых становятся его игрушки. Жена, жена! Мне страшно смотреть на них.

Жена. Они куплены еще в то время, когда мы были бедны. Жаль смотреть на них: такие это бедные милые игрушки.

Человек. Я не могу, я должен взять их в руки. Вот лошадка с оторванным хвостом... Гоп-гоп, лошадка, куда ты скачешь? – «Далеко, папа, далеко, туда, где поле и зеленый лес». – Возьми меня, лошадка, с собой. – «Гоп-гоп, садись, милый папочка»... А вот кивер, картонный, плохонький кивер, который со смехом я сам примерял, когда покупал его в лавке. Ты кто? «Я рыцарь, папа. Я самый сильный, смелый рыцарь». – Куда идешь ты, мой маленький рыцарь? – «Дракона

убивать я иду, милый папа. Я иду освободить пленных, папа». – Иди, иди, мой маленький рыцарь.

Жена Человека плачет.

А вот и наш неизменный паяц со своей глупой и милой рожей. Но какой он ободранный – точно из сотни битв вырвался он, но все так же смеется и так же краснонос. Ну, позвони же, друг, как ты звенел прежде. Не можешь, нет? Один только бубенчик остался, ты говоришь? Ну, так я же брошу тебя на пол! (Бросает.)

Жена. Что ты делаешь? Вспомни, как часто целовал наш мальчик его смешное лицо.

Человек. Да. Я не прав. Прости меня, мой друг, и ты, старина, прости. (Поднимает, с трудом нагибаясь.) Все смеешься? Нет, я положу тебя подальше. Не сердись, но сейчас я не могу видеть твоей улыбки, ступай смеяться в другое место.

Жена. Твои слова разрывают сердце. Поверь мне, выздоровеет наш сын – разве это будет справедливо, если молодое умрет раньше старого?

Человек. А где ты видела справедливое, жена?

Жена. Мой милый друг, я прошу тебя, преклони со мной вместе колена, и вдвоем мы умолим бога.

Человек. Трудно сгибаются старые колена.

Жена. Преклони их, ты должен.

Человек. Не услышит меня тот, чей слух еще ни разу не утруждал я ни словословием, ни просьбами.

Проси ты – ты мать!

Жена. Проси ты – ты отец! Если не отец умолит за сына, то кто же? Кому ты оставляешь его? Разве одна я могу так сказать, как мы скажем вдвоем?

Человек. Пусть будет, как ты говоришь. Быть может, отзовется вечная справедливость, если преклонят колена старики.

Оба становятся на колени, обратившись лицом в тот угол, где неподвижно стоит Неизвестный, и молитвенно складывают у груди руки.

Молитва матери

– Боже, я прошу тебя, оставь жизнь моему сыну. Только одно я понимаю, только одно могу я сказать, только одно: боже, оставь жизнь моему сыну. Нет у меня других слов, все темно вокруг меня, все падает, я ничего не понимаю, и такой ужас у меня в душе, господи, что только одно могу я сказать – боже, оставь жизнь моему сыну! Оставь жизнь моему сыну! Оставь! Прости, что так плохо молюсь я, но я не могу. Господи, ты понимаешь, не могу. Ты посмотри на меня. Ты только посмотри на меня – видишь? Видишь, как трясется голова, как трясутся руки, да что руки мои, господи! Пожалей его, ведь он такой молоденький, у него родинка на правой ручке. Дай ему пожить, хоть

немножко, хоть немножко. Ведь он такой молоденький, такой глупый – он еще любит сладкое, и я купила ему виноград. Пожалей! Пожалей!

Тихо плачет, закрыв лицо руками. Не глядя на нее, Человек говорит.

Молитва отца

– Вот я молюсь, видишь ты? Согнул старые колена, в прахе разостлался перед тобой, землю целую – видишь? Быть может, когда-нибудь я оскорбил тебя, так ты прости меня, прости. Правда, я был дерзок, заносчив, требовал, а не просил, часто осуждал. Ты прости меня. А если хочешь, если такая твоя воля, накажи, – но только сына моего оставь. Оставь, я прошу тебя. Не о милосердии я тебя прошу, не о жалости, нет – только о справедливости. Ты – старик, и я ведь тоже старик. Ты скорее меня поймешь. Его хотели убить злые люди, те, что делами своими оскорбляют тебя и оскверняют твою землю. Злые, безжалостные негодяи, бросающие камни из-за угла. Из-за угла, негодяи! Не дай же совершиться до конца злему делу: останови кровь, верни жизнь – верни жизнь моему благородному сыну. Ты отнял у меня все, но разве когда-нибудь я просил тебя, как попрошайка: верни богатство! верни друзей! верни талант! Нет, никогда. Даже о талан-

те не просил я, а ты ведь знаешь, что такое талант – ведь это больше жизни! Может быть, так нужно, думал я, и все терпел, и все терпел, гордо терпел. А теперь прошу, на коленях, в прахе, целуя землю, верни жизнь моему сыну. Целую землю твою!

Встают. Равнодушно внемлет молитве отца и матери Некто, именуемый Он.

Жена. Я боюсь, что не совсем смиренна была твоя молитва, мой друг. В ней как будто звучала гордость.

Человек. Нет, нет, жена, я хорошо говорил с ним, так, как следует говорить мужчинам. Разве покорных льстецов он должен любить больше, чем смелых и гордых людей, говорящих правду? Нет, жена, ты этого не понимаешь. Теперь и я верю, и мне стало спокойно, даже весело. Чувствую, что и я что-нибудь еще значу для моего мальчика, и это радует меня. Взгляни, спит ли он. Он должен крепко спать.

Жена уходит. Человек, дружелюбно поглядывая в угол, где стоит Некто, берет игрушечного паяца, играет с ним и тихонько целует его в длинный красный нос. В этот момент входит Жена, и Человек говорит смущенно.

А я все извинялся, обидел я этого дурака. Ну, как наш милый мальчик?

Жена. Он такой бледный.

Человек. Это ничего, это пройдет: он очень много потерял крови.

Жена. Мне так жалко смотреть на его бледную остриженную голову. Ведь у него были такие прекрасные золотистые кудри.

Человек. Их было необходимо срезать, чтобы обмыть рану. Ничего, жена, ничего, вырастут еще лучше. Но собрала ли ты обрезанные волосы? Их необходимо собрать и сохранить. На них его драгоценная кровь, жена!

Жена. Да, я спрятала их в тот ларец, последний, что остался от нашего богатства.

Человек. Не грусти о богатстве. Нам нужно подождать только, пока не возьмется за работу наш сын: он вернет потерянное. Мне стало весело, жена, и я твердо верю в наше будущее. А помнишь ли ты нашу бедную розовую комнатку? Добрые соседи набросали дубовых листьев, и ты сделала из них венок на мою голову и говорила, что я гениален.

Жена. Я и теперь, мой друг, скажу то же. Люди перестали ценить тебя, но не я.

Человек. Нет, моя маленькая женка, ты не права. Создания гения переживают эту дрянную старую ветошку, которая называется его телом. Я же еще жив, а вещи мои...

Жена. Нет, они не умерли и не умрут. Вспомни тот

дом на углу, что построил ты десять лет тому назад. Каждый вечер, когда заходит солнце, ты ходишь смотреть на него. Разве во всем городе есть здание более красивое, более глубокое?

Человек. Да, я строил его как раз в расчете, что последние лучи заходящего солнца должны падать на него и гореть в окнах. Весь город уже в темноте, а мой дом еще прощается с солнцем. Это сделано хорошо и, может быть, – как думаешь? – переживет меня хоть немного?

Жена. Конечно, мой друг.

Человек. Меня огорчает только одно, женка: зачем так скоро забыли меня люди? Они могли бы помнить несколько дольше, жена, несколько дольше.

Жена. Забывают то, что знали, перестают любить то, что любили.

Человек. Несколько дольше могли бы помнить они, несколько дольше.

Жена. Около того дома я видела молодого художника. Он внимательно изучал здание и срисовывал его в альбом.

Человек. А как же ты не сказала мне этого, мой друг? Это очень важно, очень важно. Это значит, что моя мысль передается другим людям, и пусть меня забудут, она будет жить. Это очень важно, жена, чрезвычайно важно.

Жена. Да тебя и не забыли, мой милый. Вспомни молодого человека, который так почтительно поклонился тебе на улице.

Человек. Это верно, женка. Хороший юноша, очень хороший. У него такое славное молодое лицо. Хорошо, что ты мне напомнила об этом поклоне. У меня посветлело на сердце. Но что-то меня клонит ко сну, устал я, вероятно. Да и стар я, моя маленькая, седенькая женка, ты не замечаешь?

Жена. Ты все такой же красивый.

Человек. И глаза блестят?

Жена. И глаза блестят.

Человек. И волосы черны как смоль?

Жена. Они у тебя так снежно-белы, что это еще красивее!

Человек. И морщинок нет?

Жена. Есть маленькие морщинки, но...

Человек. Конечно, я чувствую себя красавцем. Завтра куплю мундир и поступлю в легкую кавалерию. Хорошо?

Жена улыбается.

Жена. Вот и ты шутишь, как встарь. Ну, приляг здесь, мой милый, усни немного, а я пойду к нашему мальчику. Будь спокоен, я не оставлю его, а когда он проснется, позову тебя. А тебе не неприятно целовать старую, морщинистую руку?

Человек (целуя). Оставь! Ты самая красивая женщина, какую я знаю.

Жена. А морщинки?

Человек. Какие еще морщинки? Я вижу милое, доброе, хорошее, умное лицо, и больше ничего. Не сердись на меня за строгий тон и пойдди к мальчику. Побереги его, посиди около него тихой тенью нежности и ласки, а если станет он беспокоиться во сне, спой ему песенку, как прежде. Да виноград поставь поближе, чтобы мог достать его рукою.

Жена уходит. Человек ложится на диван головой к тому концу, где неподвижно стоит Некто в сером, так что последний почти касается рукою его седых размечтанных волос. Быстро засыпает.

Некто в сером. Крепко и радостно уснул Человек, обольщенный надеждами. Тихо дыхание его, как у ребенка, спокойно и ровно бьется старое сердце, отдыхая. Он не знает, что через несколько мгновений умрет его сын, и в сонных таинственных грезах перед ним встает невозможное счастье.

Ему кажется, что в белой лодке едет он с сыном по красивой и тихой реке. Ему кажется, что день прекрасен, и он видит голубое небо, кристально прозрачную воду, он слышит, как, шурша, расступается перед лодкою камыш. Ему кажется, что он счастлив, и радость чувствует он – все чувства лгут Человеку.

Но вдруг беспокоится он, страшная правда сквозь густые покровы сна обожгла его мысль.

– Отчего так низко обрезаны твои золотистые волосы, мой мальчик? Отчего?

– У меня болела голова, папа, и от этого так низко обрезаны мои волосы.

И, снова обманутый, он чувствует счастье, видит голубое небо и слышит, как шуршат камыши, расступаясь.

Он не знает, что уже умирает его сын. Он не слышит, как в последней безумной надежде, с детской верой в силу взрослых, сын зовет его без слов, криком сердца: «Папа, папа, я умираю! Удержи меня!» Крепко и радостно спит Человек, и в таинственных и обманчивых грезах пред ним встает невозможное счастье.

Проснись, Человек! Твой сын – умер.

Человек (испуганно поднимает голову и встает). Мне страшно: как будто кто-то позвал меня.

В то же мгновение за стеной раздастся плач многих женских голосов. Высокими голосами протяжно плачут они над умершим. Входит Жена, страшно бледная.

Наш мальчик умер?

Жена. Да. Умер.

Человек. Он звал меня?

Жена. Нет. Он не просыпался. Он никого не звал.

Он умер, мой сын, мой ненаглядный мальчик!

Падает на колени перед Человеком и рыдает, охватив руками его ноги. Человек кладет руку ей на голову и с рыданием в голосе, но грозно, говорит, обращаясь в угол, где равнодушно стоит Некто.

Человек. Ты женщину обидел, негодяй! Ты мальчика убил!

Жена рыдает. Человек тихонько, дрожащею рукой гладит ее волосы.

Не плачь, милая, не плачь. Он и над слезами нашими посмеется, как посмеялся над нашими молитвами. А ты, я не знаю, кто ты – бог, дьявол, рок или жизнь – я проклиная тебя!

Дальнейшее говорит громким, сильным голосом, одной рукой как бы защищая Жену, другую грозно протягивая к Неизвестному.

Проклятие человека

– Я проклиная все, данное тобою. Проклинаю день, в который я родился, проклиная день, в который я умру. Проклинаю всю жизнь мою, ее радости и горе. Проклинаю себя! Проклинаю мои глаза, мой слух, мой язык. Проклинаю мое сердце, мою голову и все бросаю назад, в твое жестокое лицо, безумная Судьба. Будь проклята, будь проклята вовеки! И прокляти-

ем я побеждаю тебя. Что можешь еще сделать ты со мною? Вали меня наземь, вали – я буду смеяться и кричать: будь проклята! Клещами смерти зажми мне рот – последней мыслью я крикну в твои ослиные уши: будь проклята, будь проклята! Бери мой труп, грызи его, как собака, возись с ним в темноте – меня в нем нет. Я исчез, но исчез, повторяя: будь проклята, будь проклята! Через голову женщины, которую ты обидел, через тело мальчика, которого ты убил, – шлю тебе проклятие Человека.

Умолкает с грозно поднятой рукой. Равнодушно внемлет проклятью Некто в сером, и колеблется пламя свечи, точно раздуваемое ветром. Так некоторое время в сосредоточенном молчании стоят один против другого: Человек и Некто в сером. Плач за стеною становится громче и протяжнее, переходя в мелодию страдания.

Опускается занавес

Картина пятая

Смерть человека

Неопределенный, колеблющийся, мигающий, сумрачный свет, мешающий что-либо рассмотреть с первого взгляда. Когда глаз привыкает, он видит такую картину.

Широкая, длинная комната с очень низким потолком, без одного окна в стенах. Вход откуда-то сверху, по ступеням. Стены гладки и сумрачно-грязны – похоже на грубую, запятнанную кожу какого-то большого зверя. Всю заднюю стену, до ступенек, занимает один огромный, плоский стеклянный буфет, сплошь установленный совершенно правильными рядами бутылок с разноцветными жидкостями. За невысоким прилавком совершенно неподвижно сидит **Кабатчик**, сложив руки на животе. Белое с румянцем лицо, лысына, большая рыжая борода – выражение полного спокойствия и равнодушия. Таким он остается все время, ни разу не перемещаясь и не меняя положения. За небольшими столиками на деревянных табуретках сидят **Пьяницы**. Количество людей увеличивается их тенями, блуждающими по стенам и по потолку. Бесконечное разнообразие отвратительного и ужасного.

Лица, похожие на маски с непомерно увеличенными или уменьшенными частями: носатые и совсем безносые, глаза дико вытаращенные, почти вылезшие из орбит и сузившиеся до едва видимых щелей и точек; кадыки и крохотные подбородки. Волосы у всех путанные, лохматые, грязные, иногда закрывающие половину лица. На всех, однако, лицах, при их разнообразии, лежит печать страшного сходства: это зеленоватая, могильная окраска и выражение то веселого, то мрачного и безумного ужаса.

Одеты Пьяницы в одноцветные лохмотья, обнажающие то зеленую костлявую руку, то острое колено, то впалую страшную грудь. Есть почти совсем голые. Женщины мало отличаются от мужчин и еще безобразнее, чем они. У всех трясутся руки и головы, и походка неровная, точно они ходят или по очень скользкой, или бугровой, или движущейся поверхности. И голоса одинаковые: хриплые, сипящие; и так же нетвердо, как ходят, выговаривают Пьяницы слова непослушными, точно замерзшими губами.

Посередине сборища, за отдельным столиком, сидит **Человек**, положив седую, всклокоченную голову на руки. Таким остается он все время, за исключением того момента, когда говорит. Одет он очень плохо. В углу неподвижно стоит **Некто в сером** с догорающей свечой. Узкое синее пламя колеблется, то ложась

на край, то острым язычком устремляясь вверх. И мотильно-синие блики на каменном лице и подбородке Его.

Разговор пьяниц

– Боже мой! Боже мой!

– Послушайте, – как странно колеблется все: ни на чем нельзя остановить взора.

– Все дрожит как в лихорадке: люди, стулья и потолок.

– Все плывет и качается, как на волнах.

– Вы не слышите шума? Я слышу какой-то шум. Точно грохочут железные колеса или камни падают с горы. Большие камни падают, как дождь.

– Это шумит в ушах.

– Это шумит кровь. Я чувствую мою кровь. Густая, черная, пахнувшая ромом, она тяжело катится по жилам. И когда подходит к сердцу, то все падает, и становится страшно.

– Я вижу как будто блистание молний!

– Я вижу огромные красные костры, и на них горят люди. Противно пахнет горелым мясом. Черные тени кружатся вокруг костров. Они пьяны, эти тени. Эй, позовите меня, я буду с вами танцевать.

– Боже мой! Боже мой!

– И я веселый! Кто хочет со мною смеяться? Никто не хочет, так я буду один. (Смеется один.)

– Прелестная женщина целует меня в губы. От нее

пахнет мускусом, и зубы у нее как у крокодила. Она хочет укусить меня. Прочь, шлюха!

– Я не шлюха. Я старая беременная змея. Уже целый час смотрю я, как из моей утробы выходят маленькие змейки и ползают. Эй, не раздави моего змёныша!

– Куда ты идешь?

– Кто ходит там? Сядьте. Весь дом дрожит, когда вы ходите.

– Я не могу. Мне страшно сидеть.

– И мне страшно. Когда сидишь, то слышно, как ужас бегают по телу.

– И мне. Пустите меня!

Трое или четверо Пьяниц колеблющимися шагами бесцельно бродят, путаясь среди столов.

– Посмотрите, что оно делает. Уже два часа оно старается прыгнуть на мои колени. Только на вершок не достает. Я его отгоню, а оно опять. Это какая-то странная игра.

– У меня под черепом ползают черные тараканы. И шуршат.

– У меня распадается мозг. Я чувствую, когда одна серая частица отделяется от другой. Мой мозг похож на скверный сыр. Он пахнет.

– Тут пахнет какой-то падалью.

– Боже мой! Боже мой!

– Сегодня ночью я подползу к ней на коленях и зарежу ее. Потечет кровь. Она сейчас течет уже: такая красная.

– За мной все время ходят трое. Они зовут меня в темный угол на пустырь и там хотят зарезать. Они сейчас около дверей.

– Кто это ходит по стенам и по потолку?

– Боже мой! Они пришли сюда. За мною.

– Кто?

– Они!

– У меня немеет язык. Что же мне делать? У меня немеет язык. Я буду плакать. (Плачет.)

– Все из меня лезет наружу. Я сейчас вся вывернусь наизнанку и буду красной.

– Послушайте, послушайте, эй! Кто-нибудь. На меня идет чудовище. Оно поднимает руку. Помогите, эй!

– Что это! Помогите! Паук!

– Помогите!

Некоторое время кричат хриплыми голосами: «Помогите!»

– Мы все пьяницы. Позовем всех сверху сюда. Наверху так мерзко.

– Не надо. Когда я выхожу отсюда на улицу, она мечется, как дикий зверь, и скоро валит меня с ног.

– Мы все пришли сюда. Мы пьем спирт, и он дает нам веселье.

– Он дает ужас. Я весь день трясусь от ужаса.
– Лучше ужас, чем жизнь. Кто хочет вернуться туда?

– Я – нет.

– Не хочу. Я лучше издохну здесь. Не хочу я жить!

– Никто!

– Боже мой! Боже мой!

– Зачем ходит сюда Человек? Он пьет мало, а сидит много. Не надо его.

– Пусть идет в свой дом. У него свой дом.

– Пятнадцать комнат.

– Не трогайте его, ему больше некуда ходить.

– У него пятнадцать комнат.

– Они пустые. В них только бегают и дерутся крысы.

– А жена?

– У него никого нет. Должно быть, умерла жена.

– Умерла жена.

– Умерла жена.

Во время этого Разговора и последующего потихоньку входят **Старухи** в странных покрывалах, незаметно заменяя собой тихо уходящих **Пьяниц**. Вмешиваются в Разговор, но так, что никто этого не замечает.

Разговор пьяниц и старух

– Он сам скоро умрет. Он едва ходит от слабости.

– У него пятнадцать комнат.

– Послушайте, как бьется его сердце: неровно и тихо. Оно скоро остановится.

– Эй! Человек! Позови нас к себе: у тебя пятнадцать комнат.

– Оно скоро остановится. Старое, больное, слабое сердце Человека!

– Он спит, пьяный дурак. Спать так страшно, а он спит. Он может во сне умереть. Эй, разбудите его!

– А помните, как билось оно молодо и сильно!

– Я пойду на улицу и устрою скандал. Меня ограбили. Я совсем голый. У меня зеленая кожа.

– Здравствуйте.

– Опять шумят колеса. Боже мой, они меня задавят.

Помогите!

Никто не отзывается.

– Здравствуйте.

– А вы помните, как он родился? Вы, кажется, там были?

– Должно быть, я умираю. Боже мой, боже мой! Кто же отнесет меня в могилу? Кто зароет меня? Так и буду я валяться, как собака, на улице. Будут люди хо-

дить через меня, экипажи ездить – раздавят они меня.
Боже мой! Боже мой! (Плачет.)

– Позвольте поздравить вас, дорогой родственник,
с новорожденным.

– Твердо уверен, что тут есть ошибка. Когда из прямой линии выходит замкнутый круг, то это – абсурд. Сейчас я докажу это!

– Вы правы.

– Боже мой! Боже мой!

– Только невежды в математике могут допустить это... Но я не допускаю. Слышите, я не допускаю этого!

– А вы помните розовенькое платьице и голенькую шейку?

– И цветы. Ландыши, с которых не высохла роса, фиалки и зеленую травку.

– Не трогайте, девушки, не трогайте цветов.

Тихо смеются.

– Боже мой! Боже мой!

Пьяницы все ушли, и их места заняты Старухами в странных покрывалах. Свет становится ровным и очень слабым. Резко выделяется фигура Неизвестного и седая голова Человека, на которую сверху падает слабый свет.

Разговор старух

– Здравствуйте!

– Здравствуйте. Какая славная ночь!

– Вот мы и снова собрались. Как ваше здоровье?

– Покашливаю.

Тихо смеются.

– Теперь недолго. Он сейчас умрет.

– Взгляните на свечу. Пламя синее, узкое и стелется по краям. Уже нет воска, и фитиль догорает.

– Не хочет гаснуть.

– А когда вы видели, чтобы пламя хотело гаснуть?

– Не спорьте! Не спорьте! Хочет оно гаснуть или не хочет, а время идет.

– А вы помните его автомобиль? Он однажды чуть не задавил меня.

– А его пятнадцать комнат?!

– Я сейчас только была там. Меня чуть не съели крысы, и я простудилась от сквозняков. Кто-то украл рамы, и ветер ходит по всему дому.

– А вы лежали на кровати, где умерла его жена? Не правда ли, какая она мягкая?!

– Да, я обошла все комнаты и помечтала немного. У них такая милая детская. Жаль только, что и там выбиты рамы и ветер шуршит каким-то сором. И кровати-

ка детская такая милая. В ней крысы теперь завели свое гнездо и выводят детей.

– Таких миленьких, голеньких крысятков.

Тихо смеются.

– А в кабинете на столе лежат игрушки: бесхвостая лошадка, кивер, красноносый паяц. Я немного поиграла с ними. Надевала кивер – он так ко мне идет. Только пыли на них ужасно много, вся перепачкалась.

– Но неужели вы не были в зале, где давался бал? Там так весело.

– Да, я была там, но, представьте, что я увидела! Темно, стекла выбиты, ветер шуршит обоями...

– Это похоже на музыку.

– А у стен, в темноте, на корточках сидят гости, но в каком виде, если бы вы знали!

– Мы знаем!

– И, ляская зубами, лают отрывисто: как богато, как пышно!

– Вы шутите, конечно?

– Конечно, я шучу. Вы знаете мой веселый характер.

– Как богато! Как пышно!

– Как светло!

Тихо смеются.

– Напомните ему.

– Как богато! Как пышно!

– Ты помнишь, как играла музыка на твоём балу?

– Он сейчас умрет.

– Кружились танцующие, и музыка играла так нежно, так красиво. Она играла так.

Становятся полукругом около Человека и тихо напевают мотив музыки, что играли на его балу.

– Устроим бал! Я так давно не танцевала.

– Вообрази, что это дворец, сверхъестественно красивый дворец.

– Зовите музыкантов. Нельзя же хороший бал давать без музыки.

– Музыкантов!

– Ты помнишь?

Напевают. В то же мгновение по ступеням спускаются те три **музыканта**, что играли на балу. Тот, кто со скрипкой, аккуратно подстилает на плечо носовой платок, и все три начинают играть с чрезвычайной старательностью.

Но звуки тихи и нежны, как во сне.

– Вот бал, как пышно!

– Как светло!

– Ты помнишь?

Тихо напевая под музыку, начинают кружиться вокруг Человека, манерничая и в дикой уродливости повторяя движения девушек в белых платьях, танцевавших на балу. При первой музыкальной фразе они кру-

жатся, при второй – сходятся и расходятся грациозно и тихо. И тихо шепчут:

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?

– Ты помнишь?

Танец становится быстрее, движения резче. В головах поющих Старух проскальзывают странные, визгливые нотки; такой же странный смех, пока еще сдержанный, тихим шуршанием пробегает по танцующим. Проносясь мимо Человека, бросают ему в ухо отрывистый шепот:

– Ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Как нежно, как хорошо!

– Как отдыхает душа!

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, сейчас умрешь, сейчас умрешь...

– Ты помнишь?

Кружатся быстрее, движения резче. Внезапно все смолкает и останавливается. Застывают с инструментами в руках музыканты, в тех же позах, в каких застало их безмолвие, замирают танцующие. Человек

встает, выпрямляется, закидывает седую, красивую грозно-прекрасную голову и кричит неожиданно громко, призывным голосом, полным тоски и гнева. После каждой короткой фразы короткая, но глубокая пауза.

– Где мой оруженосец? – Где мой меч? – Где мой щит? – Я обезоружен! – Скорее ко мне! – Скорее! – Будь прокля... (Падает на стул и умирает, запрокинув голову.)

В то же мгновение, ярко вспыхнув, гаснет свеча, и сильный сумрак поглощает предметы. Точно со ступенек ползет сумрак и постепенно заволакивает все. Только светлеет лицо умирающего Человека. Тихий, неопределенный говор Старух, шушуканье, пересмеивание.

Некто в сером. Тише! Человек умер!

Молчание, тишина. И тот же холодный, равнодушный голос повторяет из глубокой дали, как эхо:

– Тише! Человек умер!

Молчание, тишина. Медленно густеет сумрак, но еще видны мышинные фигуры насторожившихся Старух. Вот тихо и безмолвно они начинают кружиться вокруг мертвеца, потом начинают тихо напевать, начинают играть музыканты. Сумрак густеет, и все громче становится музыка и пение, все безудержнее дикий танец. Уже не танцуют, а бешено носятся они вокруг мертвеца, топая ногами, визжа, смеясь непрерывно

диким смехом. Наступает полная тьма. Еще светлеет лицо мертвеца, но вдруг гаснет и оно. Черный, непроглядный мрак.

И во мраке слышно движение бешено танцующих, взвизгивания, смех, нестройные, отчаянно громкие звуки оркестра. Достигнув наивысшего напряжения, все эти звуки и шум быстро удаляются куда-то, замирают.

Тишина.

Опускается занавес

23 сентября 1906

Приложение

Поздний вариант пятой картины пьесы «Жизнь человека»

Высокая мрачная комната, в которой умерли сын и жена Человека. На всем лежит печать разрушения и смерти. Стены покосились и грозят падением: в углах раскинулась паутина – правильные светлые круги, включенные безысходно один в другой; грязно-серыми прядями спускается мертвая паутина и с нависшего потолка. Точно под упорным давлением мрака, черной безграничностью объявшего дом Человека, подались внутрь и покривились два высоких окна: если окна не выдержат и провалятся, то мрак вольется в комнату и погасит слабый, умирающий свет, которым озаряется она.

В задней стене коленчатая лестница, ведущая наверх, в те комнаты, где происходил когда-то бал; внизу видны кривые погнувшиеся ступени, дальше они теряются в густой насупившейся мгле. У той же стены под искривленным, порванным балдахином кровать, на которой умерла жена Человека.

Справа темное жерло холодного, давно потухшего огромного камина; большая куча мертвой золы, в

которой белеет полуобгорелый лист какой-то бумаги, по-видимому, чертежа. Перед камином в кресле сидит неподвижно умирающий **Человек**; в том, как оборван его халат, в том, как лохматы и дики его нечесанные седые волосы и борода, чувствуется полная заброшенность и одиночество умирающего. В стороне от Человека, в таком же кресле, крепко спит **Сестра Милосердия** с белым крестом на груди; за все время картины она не просыпается ни разу.

Вокруг умирающего Человека, обнимая его тесным кольцом жадно вытянутых лиц, сидят на стульях **Наследники**. Их семь человек, три женщины и четверо мужчин. Их шеи хищно вытянуты по направлению к Человеку, рты жадно полураскрыты; напряженно-скрюченные пальцы на поднятых руках походят на когти хищных птиц. Есть среди них толстые и весьма упитанные люди, особенно один господин, жирное тело которого бесформенно расплывается на стуле, но по тому, как они сидят, как они смотрят на Человека, — кажется, что всю жизнь они были голодны и всю жизнь ожидали наследства. Голодны они как будто и сейчас.

В углу неподвижно стоит **Некто в сером** с догорающей свечою. Узкое синее пламя колеблется, то ложась на край, то острым язычком устремляясь вверх. И могильно-сини блики на каменном лице и подбородке Его.

Разговор наследников

Говорят громко:

– Дорогой родственник, вы спите?

– Дорогой родственник, вы спите?

– Дорогой родственник, вы спите или нет? Отвечай-

те нам.

– Мы ваши друзья!

– Ваши наследники.

– Отвечайте нам!

Человек молчит. Наследники переходят на громкий шепот.

– Он молчит.

– Он ничего не слышит: он глух.

– Нет, он притворяется. Он ненавидит нас, он рад был бы нас выгнать, но не может: мы его наследники!

– Каждый раз, когда мы приходим, он смотрит на нас так, точно мы пришли убивать его. Как будто не умрет он и сам!

– Глупец!

– Это от старости. От старости все люди становятся глупы.

– Нет, это от жадности. Он рад был бы унести в могилу все. Он не знает, что в могилу человек уходит один.

– Почему вы так ненавидите нашего дорогого родственника?

– Потому, что он медлит умирать. (Громко.) Старик, почему ты не умираешь? Ты портишь нам жизнь, ты грабишь нас. Твое платье рвется и гниет, твой дом разрушается, твои вещи стареют и теряют ценность!

– Это правда, он нас грабит!

– Тише! Зачем кричать!

– Старик, ты обираешь нас!

– Но, может быть, дорогой родственник слышит нас?

– Пусть слышит! Правду всегда полезно слышать.

– Но, может быть, у него еще хватит силы составить завещание и лишит нас наследства?

– Вы думаете?

Натянуто смеются. Продолжают нежными голосами, громко, так, чтобы слышал Человек.

– Пустяки, он всегда был умным человеком, склонным к юмору, и прекрасно понимает шутку. Не правда ли, дорогой родственник?

– Конечно, мы шутили.

– Мы можем ждать сколько угодно. Нам только жаль его. Так грустно день и ночь сидеть одному перед потухшим камином, – не правда ли, дорогой родственник?

– Почему он не ляжет в постель?

– Так, маленькая причуда. На этой постели умерла его жена, и он никому не позволяет коснуться ни белья, ни подушек.

– Но время уже коснулось их!

– От них пахнет гнилью.

– Здесь отовсюду пахнет гнилью. (Нюхает.)

– Когда я подумаю... Нет, когда я подумаю, что в этом камине он непроизводительно жег целые бревна...

– А вы помните его бал? Наш милый родственник так сорил деньгами!

– Нашими деньгами!

– А вы помните, как он баловал жену, эту ничтожную женщину?

– Добавьте: которая обманывала его.

– Тише!

– У которой была дюжина любовников!

– Тише! Тише!

– Которая жила с лакеем! Да, со своим лакеем. Я сама видела однажды, как они переглянулись.

– Но она умерла! Не оскверняйте могил клеветой!

– Но это правда: я сама слыхала о том же.

– Бедный, обманутый глупец!

– Вы не замечаете украшений в его почтенной седине.

– Тише! Тише!

С возгласами «Тише! Тише!» переглядываются и тихонько смеются.

– Человек не имеет права думать только о самом себе. Когда я рассчитаю, сколько он мог бы нам оставить и сколько нам остается...

– Гроши!

– Нужно благодарить провидение и за то, что осталось. Наш почтенный родственник так небережлив.

– Взгляните на его халат: разве можно так обращаться с дорогими вещами.

– Вы думаете? Я не вижу отсюда, что это за материя.

– Подойдите осторожно и пощупайте пальцами. Это шелк.

Одна из женщин подходит к умирающему Человеку и, делая вид, что оправляет подушку, ощупывает материю. Все с любопытством следят за нею.

– Шелк!

Различными жестами Наследники выражают свое негодование.

Человек (на мгновение выходит из неподвижности и просит слабо). Воды!

Наследники. Что он говорит? Он слышал? Чего ему надо?

Человек. Воды! Бога ради, воды! (Умолкает.)

Несколько испуганные Наследники ищут воды, но

не находят. Брезгливо-встревоженные голоса:

- Воды!
- Он просит воды!
- Да дайте же ему воды!
- Воды нет.

Все разом обращаются к спящей Сестре Милосердия, крича, приставляя руки ко рту в виде рупора:

- Сестра Милосердия!
- Сестра Милосердия!
- Сестра Милосердия!
- Вам говорят, Сестра Милосердия! Больной про-

сит воды.

– Растолкайте ее. За что же ей платят деньги, если она все время спит!

– А если вы хотите такую сестру милосердия, которая бы не спала, то придется платить еще дороже. Разве вы этого не понимаете?

– Она очень устала. У бедной женщины так много работы!

– Пусть спит. У нее такой сон, что жаль его тревожить.

– Дорогой родственник, вы не можете подождать? Сестра очень устала и спит.

Человек не отвечает, и все снова рассаживаются по местам, полукругом. Слабый свет, озаряющий комнату, медленно гаснет – в углах встает мрак. Тяжело, от-

куда-то сверху, ползет мрак по ступеням, стелется по потолку, бесшумно липнет к каждому углублению.

– Он успокоился. Бедный!

– Как темно! Господа, вы не замечаете, как темно?

– Когда я подумаю, что так, перед камином, он может просидеть еще долго – недели, месяцы, мне хочется схватить его за тощую шею и удушить.

– Позвольте: вы так беспокоитесь о наследстве, а вместе с тем я не знаю, кто вы?

– И я не знаю! И я!

– Вы просто человек с улицы: какое вы имеете право на наследство?

– Я такой же наследник, как и вы.

– Нет, сударь, вы мошенник!

– Нет, это вы мошенник!

– Тише! Тише!

– Его надо выгнать! Вон!

– Вы все мошенники!

– Тише! Вы разбудите его!

Яростно оскалив зубы, грозят друг другу сжатыми кулаками.

– Господа, свет гаснет! Я почти не вижу лиц.

– Надо уходить. Еще один погибший день!

– Надо уходить.

– А я останусь. Я не пойду отсюда. Это мой дом. Мой, мой, мой!

– Вас съедят здесь крысы.

В исступлении:

– Это мой дом – мой, мой, мой!

– Одна седьмая часть, господин наследник с улицы, во всяком случае не больше как одна седьмая часть.

– Это мой дом! Мой!

– Господа, темнеет.

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

– Спокойной ночи, дорогой родственник!

По очереди, низко кланяясь Человеку, уходят. Некоторые поднимают вялую, бледную руку умирающего, лежащую на ручке кресла, и нежножимают ее. Наследник с улицы остается один. Презрительно взглянув на безмолвных Человека и Сестру Милосердия, он быстро и сердито исследует комнату: трогает стены, щупает материю на стульях, оценивает взглядом то, до чего не может дотянуться руками. Подходит к кровати, на которой умерла жена Человека, и пробует крепость белья. Но гнилая материя расползается под пальцами, и, бешено топнув ногою, Наследник разбрасывает подушки и простыни. Потом решительно идет к умирающему и останавливается за его спиной.

Речь Наследника. Послушай, старик. Ты должен умереть. Зачем ты оскорбляешь смерть сопротивлением? Уходи. Освободи живые вещи от твоей мертвой

власти, – она свинцовой тяжестью лежит над всем. Посмотри: все ждет и жаждет твоей смерти – эти падающие стены, – эта паутина и паук, заключенный в ее круги, – этот черный камин. Прежде он дышал на тебя огнем, теперь в прохладе могилы зовет твое изношенное тело. Уходи. Там ты встретишь тех, кто любил тебя и в черноте и в седине твоих волос и был любим тобою.

Молчание.

– Не веришь?! (Обращается в угол, где стоит Некто в сером.) Эй, ты! Скажи ему, что там его встретит любимый сын его с проломленной головою, жена, умершая от болезней и горя.

Молчание.

И ты молчишь? И все молчит? Пусть. Но что бы ни ждало тебя там, – отсюда уходи; я, живой, изгоняю тебя из жизни. И когда ты умрешь, я благословлю тебя. Я возложу венки на твой гроб, и на том месте, где будет гнить твое тело, воздвигну памятник – если это не будет дорого стоить. Уходи.

Молчание. Наследник снова ходит по комнате, но уныние места, мрак, непрерывно нарождающийся, тягучее безмолвие пугают его. Тревожно мечется он, позабыв, где выход, и говорит хрипло:

– Сестра Милосердия, проснитесь! Сестра! Где же выход?.. Где же выход? Сестра Милосердия!

Молчание. В разных местах почти одновременно показываются **Старухи**. Происходит легкая, молчаливая, смешная для Старух игра: они загораживают выход Наследнику, кружат по комнате и, так бесшумно перебрасывая его, пропускают наконец к двери. Подняв над головою руки, с выражением ужаса Наследник убегает. Старухи тихонько смеются.

Разговор старух

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Какая славная ночь!

– Вот мы и снова собрались. Как ваше здоровье?

– Покашливаю.

Тихо смеются.

– Теперь недолго. Он сейчас умрет.

– Посмотрите на свечу. Пламя синее, узкое и стелется по краям. Уже нет воска, и только фитиль догорает.

– Не хочет гаснуть.

– А когда вы видели, чтобы пламя хотело гаснуть?

– Не спорьте! Не спорьте! Хочет пламя гаснуть или не хочет, а время идет.

– Время идет.

– Время идет.

– А вы помните, как он родился? Позвольте, дорогой родственник, поздравить вас с новорожденным!

– А вы помните розовенькое платьице и голенькую шейку?

– И цветы. Ландыши, с которых не высохла роса, фиалки и зеленую травку?

– Не трогайте, девушки, не трогайте цветов!

Смеются.

– Время идет.

– Время идет.

Смеются. Одна из Старух оправляет постель.

– Что вы делаете?

– Я оправляю постель, на которой умерла его жена.

– Зачем это нужно? Он сейчас умрет.

– Какая вы добрая!

– Теперь хорошо. Теперь он может идти.

– Когда его пустит Тот.

– Теперь хорошо. Теперь хорошо.

Широким дыханием через комнату проносится гармоничный, но очень печальный и странный звук. Зародившись где-то наверху, он трепетно гаснет во мраке углов. Похоже, как будто одна за другою лопнули многие струны.

– Что это?

– Это там, наверху, где давали бал. Это музыка!

– Нет, это ветер. Я была там. Я видела. Я знаю. Это ветер. Там выбиты стекла, и ветер звенит осколками их так гармонично.

– Да, это похоже на музыку.

– Там так весело! Там на корточках в темноте у ободранных стен сидят гости, но в каком виде, если бы вы знали.

– Мы знаем!

– И, ляская зубами, лают отрывчато: как богато, как

пышно!

– Вы шутите, конечно?

– Конечно, я шучу. Вы знаете мой веселый характер.

– Как богато! Как пышно!

– Как светло!

Тихо смеются.

– Напомните ему.

Тесно окружают Человека, льнут к нему мягкими движениями, ласкают костлявыми руками, засматривают в лицо и шепчут вкрадчиво, въедаясь в самую глубину старого сердца:

– Ты помнишь?

– Как богато! Как пышно!

– Ты помнишь, как играла музыка на твоём балу?

– Он сейчас умрет.

– Кружились танцующие, и музыка играла так нежно, так красиво. Она играла так... (Тихо напевают мотив музыки, что играли на его балу.)

– Ты помнишь?

– Устроим бал! Я так давно не танцевала!

– Вообрази, что это дворец, сверхъестественно красивый дворец!

– Ты помнишь? Вот заливаются певучие скрипки. Вот нежно поет свирель. Вот...

Внезапно, перебивая речь Старух, начинает играть

музыка, наверху в том месте, где находится зала. Звуки приносятся громкие и отчетливые. Старухи прислушиваются.

– Тише! Вы слышите?

– Они играют!

– Музыканты играют! (Дико кричит.) Эй, музыканты, сюда!

Остальные вторят:

– Эй, музыканты, сюда! Эй, музыканты, сюда!

Музыка наверху смолкает. Почти в то же мгновение по искривленным ступеням, выйдя из мрака, спускаются те **три музыканта**, что играли на балу. Выходят на середину, становятся в ряд, как стояли тогда. Тот, что со скрипкой, аккуратно подстиляет на плечо носовой платок, и все трое начинают играть с чрезвычайной старательностью. Но звуки тихи, нежны и печальны, как во сне.

– Вот и бал!

– Как богато! Как пышно!

– Как светло!

– Ты помнишь?

Тихо напевая под музыку, начинают кружиться вокруг Человека, манерничая и в дикой уродливости повторяя движения девушек в белых платьях, танцевавших на балу. При первой музыкальной фразе они кружатся, при второй сходятся и расходятся грациозно и

тихо. И тихо шепчут:

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, а ты помнишь?

– Ты помнишь?

Танец становится быстрее, движения резче. В голосах поющих Старух проскальзывает странная, визгливая нотка; такой же странный смех, пока еще сдержанный, тихим шуршанием пробегает по танцующим. Проносясь мимо Человека, бросают ему в ухо отрывистый шепот:

– Ты помнишь?

– Ты помнишь?

– Как нежно, как хорошо!

– Как отдыхает душа!

– Ты помнишь?

– Ты сейчас умрешь, сейчас умрешь, сейчас умрешь...

– Ты помнишь?

Кружатся быстрее, движения резче. Внезапно все смолкает и останавливается. Застывают с инструментами в руках музыканты; в тех же позах, в каких застало их безмолвие, замирают танцующие. Человек встает, шатаясь, и неверными шагами идет к постели.

Одна из Старух загоразивает ему путь и шепчет в лицо:

– Не ложись в постель! Ты там умрешь!

– Ты там умрешь!

– Берегись постели!

Человек беспомощно останавливается и молит в тоске:

– Помогите мне кто-нибудь. Я не могу дойти до постели.

И вдруг точно видит все. Видит злобно насторожившихся Старух, блудливо заигрывающих со смертью: видит разрушение, и мрак, и смерть, царящие вокруг; видит как бы впервые каменный лик Некоего в сером и свечу, копотно догорающую в руке Его. Поднимает руку, и отступают Старухи. Закидывает седую, грозно-прекрасную голову, выпрямляется, готовясь к последнему бою, и кричит неожиданно громко, призывным голосом, полным тоски и гнева. В первой короткой фразе еще звучит старческая слабость; но с каждой последующей голос молодеет и крепнет; и, отражая на мгновение вернувшуюся жизнь, высоко взметывается красное, тревожное пламя свечи, озаря окружающее суровым отсветом пожара.

– Где мой оруженосец? – Где мой меч? – Где мой щит? – Я обезоружен! – Скорее ко мне! – Скорее! – Будь проклят! (Падает у подножия постели и умирает.)

В то же мгновение, бессильно взметнувшись еще раз, гаснет пламя, и сильный сумрак поглощает предметы. Будто подались наконец стена и окна, задержавшие мрак, и густой, черной, победоносной волною он заливают все; только светлеет лицо умершего Человека. Тихий, неопределенный голос Старух, шушуканье, пересмеиванье.

Некто в сером. Тише! Человек умер!

Молчание, тишина. И тот же холодный, равнодушный голос повторяет из глубокой дали, как эхо:

– Тише! Человек умер.

Молчание, тишина. Медленно густеет сумрак, но еще видны мышинные фигуры насторожившихся Старух. Вот тихо и безмолвно они начинают кружиться вокруг мертвеца – потом начинают тихо напевать – начинают играть музыканты. Сумрак густеет, и все громче становится музыка и пение, все безудержнее дикий танец. Уже не танцуют, а бешено носятся они вокруг мертвеца, топая ногами, визжа, смеясь непрерывно диким смехом. Наступает полная тьма. Еще светлеет лицо мертвеца, но вот гаснет и оно. Черный, непроглядный мрак. И во мраке слышно движение бешено танцующих, взвизгивания, смех, нестройные, отчаянно-громкие звуки оркестра. Достигнув наивысшего напряжения, все эти звуки и шум быстро удаляются куда-то, замирают... Тишина.

Опускается занавес

20 февраля 1908 г.